

ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

КОНН ИГУЛЬДЕН

ЧИНГИСХАН

ИМПЕРИЯ СЕРЕБРА

Конн Иггульден
Империя серебра
Серия «Чингисхан», книга 4

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7061642

Конн Иггульден. Чингисхан. Империя серебра: Эксмо; Москва; 2014

ISBN 978-5-699-72382-9

Оригинал: Connlggulden, "Empire of Silver"

Перевод:

Александр Шабрин

Аннотация

Уже три года, как умер Чингисхан, но наследие его живо. Ханское знамя приял в свои руки сын великого завоевателя Угэдэй. В знак своего могущества он выстроил белый город Каракорум – столицу новой империи. Огромное серебряное древо – символ процветания и мощи – установил Угэдэй у входа в свой дворец. Но непривычно его лихим воинам так долго жить в мире, без военных походов. И послал он огромное войско во главе с лучшим военачальником далеко на запад, к последнему морю. Одолев полконтинента, монгольские тумены победоносно вышли к границам Франции и Италии. Кажется, уже никто и ничто не в силах их сдержать. И тут происходит событие, в корне меняющее судьбу серебряной империи – и всю мировую историю...

Содержание

Пролог	5
Часть первая	9
Глава 1	10
Глава 2	19
Глава 3	27
Глава 4	35
Глава 5	41
Глава 6	49
Глава 7	56
Глава 8	64
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Конн Иггульден

Чингисхан. Империя серебра

Посвящается Кэти Эспинер

Иггульден равен только себе самому...
Daily Mail

Иггульден поведал нам совершенно восхитительную историю...
The Times

Читайте этот роман до того, как в Голливуде по нему снимут блокбастер.
Daily Express

Пролог

Мальчик с хмурой сосредоточенностью топал мимо юрт, что теснились, как какие-нибудь неказистые раковины, разбросанные по берегу незапамятно древнего озера. Вокруг сплошь нищета и убогость, решительно во всем: в грязной желтизне войлока, латаного-перелатаного поколениями кочевых домочадцев, в бляении худосочных, с присохшей сенной трухой и навозом коз и овечек, бестолково путающихся под ногами, мешая пройти к жилищу. Бату, так звали мальчика, поругиваясь, отпинавал их с дороги, от чего из двух тяжелых ведер, которые он нес, выплескивалась вода. Вблизи жилищ воздух припахивал мочой – затхлая едкость, особенно заметная после свежего речного ветерка. Бату шел и хмурился, досадуя на то, как сложился день. С утра уйма времени ушла на рытье отхожего места для матери. Он-то думал, что угодит, и не без гордости показал ей плоды своего труда, а та лишь пожала плечами: не хватало еще в такую даль отлучаться лишь за тем, чтобы оправиться. Мол, места, где можно присесть по нужде, вокруг и так навалом. Сиди сколько вздумается: теперь уж на меня, старую, никто не позарится. Тем более на краю становища.

В свои тридцать шесть мать была уже согбенной старухой, источенной годами и хворями. Ходила, припадая на одну ногу. Зубы, особенно которые снизу, все как есть повыпали, и выглядела она, можно сказать, вдвое старше своих лет. Хотя сил на затрещину сыну ей по-прежнему хватало – иногда, когда Бату упоминал об отце. В последний раз – нынче утром, прежде чем он отправился за водой к реке. Ведро паренек со стуком поставил у входа и взялся растирать занемевшие ладони. Слышно было, как мать в юрте заунывным голосом тянет напев – какой-то давний, времен своей молодости. Бату улыбнулся. Отходчивая она все-таки, была и есть.

Матери он не боялся. За прошлый год сил и роста в нем прибавилось настолько, что он мог остановить любой ее удар. Просто делать этого не делал, а сносил их, понимая, что вызваны они неизбывной материной горечью. Можно схватить ее за руки, унять, даже прикрикнуть, но не хотелось видеть, как она в ответ расплчется или, хуже того, униженно запричитает, а то и, что совсем уж худо, приложится к бурдюку с архи¹, чтобы полегчало. Эти моменты, когда мать напивалась до одури, были мальчику ненавистнее всего. Она тогда принималась бессвязно лопотать, что у него-де лицо отца и ей невмочь на него смотреть. Сколько раз он ее потом отчищал от нечистот; согнувшись, тер смоченной в ведре тряпичей, а она дрожащими руками придерживалась за него сверху, елозя по сыновней спине отвис-

¹ Архи – в Монголии крепкий алкогольный напиток, производимый из молока.

лыми плоскими грудями. Сам Бату уже сто раз зарекся хоть раз в жизни притронуться к архи. Из-за примера матери его воротило даже от запаха этого хмельного пойла: кислотина, неразделимо связанная с вонью блевотины, пота и мочи.

Заслышав стук копыт, Бату обернулся: любой повод хоть ненадолго задержаться снаружи казался отрядным. Ого, конники... Пускай и немного – никак не тумен², а голов двадцать, – но все равно событие, в этот безрадостный день поистине знаменательное для мальчугана, вынужденного обретаться на окраине становища. Все равно что гости из иного, несравненно лучшего мира.

Воины в седле держались нарочито прямо, и со стороны казалось, что они излучают непререкаемую силу. При виде этих грозных нукеров³ Бату изнывал одновременно и от зависти, и от несбыточного желания оказаться в их числе. Каждому мальчишке из здешних юрт известно, что значат эти черно-красные доспехи. *Кешиктены* – отборные воины из стражи самого Угэдэя. Истории их славных битв нараспев излагали сказители в дни празднеств. Ходили из уст в уста и истории помрачнее, о кровавых изменах и предательствах. При этой мысли Бату невольно поежился. В некоторых из них значился его отец, из-за чего в сторону матери и ее полукровки-сына даже здесь, на отшибе, то и дело бросали косые взгляды.

Бату от досады плюнул себе под ноги. Он ведь еще помнил, что юрта его матери когда-то выделялась белизной и к ее входу чуть ли не каждый день приносили подарки. Мать тогда, видимо, была молодой нежнокожей красавицей, а не морщинистой беззубой каргой, как сейчас. Да, дни тогда были совсем, совсем другие – пока отец не предал хана, за что и был, как баран, забит на снегу. *Джучи*. Одно лишь звучание этого имени заставило сплунуть повторно. Покорись тогда отец воле великого хана, глядишь, он, Бату, был бы сейчас среди этих красно-черных красавцев-воинов, скакал бы с высоко поднятой головой среди убогих юрт. А теперь он ошивается на отшибе, а мать при одном лишь упоминании сына о несбыточной мечте попадает в тумен пускается в слезы.

Почти всех ребят его возраста уже забрали в войско, остались только увечные и калеки с рождения. Таким был его приятель Цан, наполовину чжурчжэнь, с бельмом на глазу. От одноглазых в туменах толку нет – ни из лука прицелиться, ни аркан как следует метнуть, – а потому воины с хохотом выпроводили его под зад коленом: отправляйся, мол, обратно овец пасти. Тогда Бату вместе с Цаном впервые опился архи, после чего два дня болел. А за самим Бату наборщики так и не наведались: отпрыски изменников в войске не нужны. Видно было, как они ходят-бродят по их части становища, присматривают ребят покрепче да поладней, – но при виде него пожимали плечами и отворачивались. Хотя и силой, и ростом он вышел весь в отца... Но, похоже, в тумене такие без надобности.

Бату вдруг замер. До него дошло: всадники направляются не куда-то мимо, а, остановившись, выясняют что-то у одного из соседей, седого старика, который, к тревожному изумлению Бату, указал на материну юрту. Мальчик буквально прирос к земле и безмолвно смотрел, как кони рысью приближаются к нему. Не зная, как быть с руками, он дважды успел скрестить их на груди, прежде чем наконец свесил вдоль туловища. Слышно было, как из юрты что-то спросила мать, но Бату не откликнулся. Попробуй тут отзовись, когда к тебе близится отряд нукеров. Особенно выделялся знатный воин, что скакал впереди.

В бедных юртах никаких изображений не бывало отродясь; лишь самые богатые хошлоны⁴ могли похвастаться одной-двумя картинками из империи Цзинь⁵. Тем не менее отцова

² Тумен – наиболее крупная организационная тактическая единица монгольского войска XIII—XV вв., численность которой составляла обычно 10000 всадников.

³ Нукер – дружинник на службе знатного господина в период становления феодализма в Монголии.

⁴ Хошлон – большой шатер.

⁵ Империя Цзинь – государство в Китае (1115—1234), управлявшееся чжурчжэньской династией Цзинь.

брата Бату однажды видел. Сколько-то лет назад, точно не упомнишь, в день праздника он подполз поближе и украдкой поглядел между воинами, чтобы лицезреть самого хана. Угэдэй и Джучи тогда состояли при своем отце, великом Чингисхане, и воспоминание это осталось самым ярким пятном во всей горько-сладкой череде детских лет Бату. Быть может, это был проблеск той жизни, которая могла бы у него сложиться, не погуби ее опрометчиво отец из-за какой-то там размолвки, суть которой Бату и не уловил.

Угэдэй скакал с непокрытой головой, в глянцеви́то-черных пластинчатых доспехах. За спиной билась коса, сплетенная на цзиньский манер, – тугим узлом на бритом наголо черепе. Бату пожирал всадника глазами, как мясо ртом, а в это время из юрты снова подала голос мать. Сын великого хана смотрел прямо на него – более того, он к нему обращался, – но Бату словно окаменел, а язык отказался повиноваться. Между тем пристальные желтые глаза оказались совсем близко, и Бату оторопело понимал, что на него сверху вниз смотрит родной дядя, но не мог при этом вымолвить ни слова.

– Он что, слабоумный? – произнес один из воинов.

Бату хватило только на то, чтобы закрыть открытый рот.

– Мальчик, к тебе обращается мой повелитель Угэдэй. Или ты глухонемой?

Внизу от живота горячо хлынуло вверх, стиснуло горло. Бату тряхнул головой, внезапно разозленный тем, что столько людей прискакали к материнской юрте. Что они подумают? Что скажут о заштопанных стенах, о дурном запахе, о мухоте? Бату почувствовал себя униженным, а потому потрясение быстро переросло в гнев. Но и при этом он не произнес ни слова. Мать рассказывала, что такие же вот красно-черные убили его отца. А жизнь оборванца-сына стоит в их глазах немногим больше.

– У тебя что, совсем голоса нет? – задал вопрос Угэдэй. При этом он чему-то улыбался.

– Почему же, есть, – сипловато ответил Бату.

Один из нукеров свесился с седла. Удара мальчик не ожидал, и лишь слегка покачнулся, когда рука в кольчужной перчатке обхватила ему сбоку голову.

– Есть, *господин*, – с нажимом, хотя и без злобы, сказал воин.

Мальчик, выпрямившись, попробовал стряхнуть руку. Ухо зажгло, хотя Бату знал боль и покрепче.

– Голос есть, господин, – повторил он, стремясь запомнить лицо обидчика.

Между тем Угэдэй обсуждал Бату так, будто того здесь не было:

– Выходит, это не домыслы. В его лице я вижу своего брата, и ростом он уже не ниже моего отца. Сколько тебе лет, мальчик?

Бату стоял тихо-претихо, пытаясь привести в порядок неугомонные мысли. Какой-то своей частью он неизменно подвергал сомнению слова матери о том, как высоко стоял его отец. И теперь так просто и однозначно убедиться в правоте ее слов оказалось выше его сил.

– Пятнадцать, – выговорил он и, видя, как вновь подается в седле тот нукер, поспешно добавил: – Господин.

Нукер с самодовольным кивком принял прежнее положение.

– Вот как? – Угэдэй нахмурился. – В такие годы начинать уже поздно. Боевая выучка должна начинаться с семи, самое большее с восьми лет. Иначе хорошего воина из тебя не получится. – Заметив смятение Бату, он улыбнулся, довольный произведенным впечатлением. – Ну да ладно, посмотрим, на что ты годен. Завтра доложишься темнику Джэбэ. Его стан в дневном переходе к северу, возле айла под горой. Отыщешь?

– У меня нет лошади, господин, – признался Бату.

Угэдэй поглядел на нукера. Тот, подавив вздох, слез с седла и передал поводья мальчику.

– Ну а скакать ты хотя бы умеешь? – спросил он надменно.

Бату принял поводья и благоговейно погладил лошадь по мускулистой шее. Такого великолепного животного он прежде и не касался.

– Да-да. Скакать я умею.

– Хорошо, если так. Но это не твоя кобылица, ты меня понял? Она домчит тебя до места, а там ты возвратишь ее мне, а себе подыщешь какую-нибудь клячу.

– Я не знаю твоего имени, – сказал Бату.

– Звать меня Алхун. Спроси любого в Каракоруме, меня каждый знает.

– В городе? – переспросил Бату заворуженно.

Ему доводилось слышать о каменных чертогах, что возводятся сейчас над землей бесчисленным множеством мастеровых, но он до этих пор даже и не знал, верить тому или не верить.

– Пока еще больше стан, чем город, но это дело времени, – заверил Алхун. – Обрати лошадь пошлешь с нарочными, да смотри предупреди, чтобы обращение с ней было самое бережное. А не то за каждую отметину от плети рассчитаешься собственной шкурой. Ну так что, переросток, милости просим в войско. У моего повелителя Угэдэя на тебя виды. Смотри, не разочаруй его.

Часть первая 1230 год

Глава 1

Переливчато вспыхивали в лучах вечернего солнца облачка мраморной пыли. Сердце Угэдэя пело. В возвышенных чувствах он правил коня по главному проезду, вбирая взором и слухом всякий вид, всякий звук. Вокруг лихорадочно кипела работа: гремели молоты, хлопотливо постукивали кирки, стучали топоры и зудели пилы, выкрикивались приказы и понукания. За городом стояли в сборе монгольские тумены. Темники, простые воины и толпы народа были созваны сюда засвидетельствовать то, что было создано здесь за два года каторжного труда: город среди пустыни, с укрощенным по воле хана и изогнутым, как лук, руслом реки Орхон.

На минуту Угэдэй приостановил коня: захотелось поглядеть, как артель мастеровых разгружает повозку. Нервничая под взглядом чингизида, работники посредством вервей и шкивов, дружно навалившись, стаскивали, а затем водружали глыбы белого мрамора на полозья, на которых глыбы утаскивались затем в мастерские. Каждый сахарно-белый блок мрамора с синеватыми прожилками радовал глаз. Угэдэю нынче принадлежали все каменоломни, откуда за многие сотни гадзаров⁶ с востока свозились эти глыбы, – и это было лишь одно из тысяч приобретений, сделанных им за последние несколько лет.

Сомнений нет, разбрасываться золотом и серебром так, будто это никчемные песок или глина, может позволить себе отнюдь не каждый. Эта мысль вызвала у Угэдэя улыбку. Интересно, как бы поступил с возведенным в пустыне белым городом отец. К рукотворным людским муравейникам Чингисхан всегда относился с презрением. Но в отличие от городов врага у этого стены не древние, а в стенах нет кишачих многолюдством улиц. Здесь все новое и принадлежит улусу, то есть всему народу.

В распоряжении Угэдэя имелась теперь поистине небывалая сокровищница, накопленная государями восточных царств и шахом поверженного Хорезма, да так ими и не потраченная. Получается, стяжали они впустую. А он теперь прибытком из одного лишь Енкина⁷ может каждый дом облечь в белый мрамор, а то и облицевать яшмой, если того захочет. Своему отцу он воздвиг на этих плоских равнинах памятник, а себе – место, где сможет достойно стать ханом. Выстроил дворец с башней, возносящейся над городом подобно белому мечу: пусть все видят, как далеко ушел его народ от убогих юрт и стад.

⁶ Гадзар – старомонгольская мера длины, равная 576 м.

⁷ Ныне Пекин.

За его, Угэдэя, золото сюда стянулось неисчислимое множество людей. Со своим нехитрым инструментом и всего с несколькими головами вьючных животных они пересекали равнины и пустыни, стекаясь из земель Цзинь и великих городов: Самарканда, Бухары, Кабула. На долгое путешествие отваживались каменщики и плотники далекой страны Корё, влекомые на запад молвой о новом городе, что возводится на реке из монет. С запасами редких сортов глины прибывали болгары; они же огромными караванами доставляли подобный камню уголь и твердую древесину из своих лесов. Город быстро рос, наполняясь строениями, всевозможными ремесленниками, торговцами, ну и – не без этого – ворами и всяким отребьем. Крестьяне на своих груженных провизией телегах совершали сюда многодневные переходы, чуя поживу в виде связок звонких монет. Он же, Угэдэй, не скупясь давал им всем серебро и золото, добытое из недр земли и отлитое в монеты надлежащей формы. А они взамен давали ему город – что и говорить, сделка неплохая. Так что на сегодня это место являло собой доподлинно разноликий и разноголосый людской муравейник, где звучали разом сотни наречий и тысячи разных блюд готовились на множестве специй. Кому-то из инородцев будет позволено здесь остаться, однако свой город он, Угэдэй, строит не для них.

На пути вдоль стен, отвлекшись от работы, распластались зеленорукие красильщики, почтительно поникнув красными тюрбанами. Стражники-кешиктены прокладывали путь сыну великого Чингисхана. Угэдэй скакал как во сне. Это он, *он* дал облик этому месту, обратив его в сказочный город из становища юрт, известного отцу. Он же, сын великого отца, воплотил это чудо в камне.

Кстати, вот что удивительно. Он не оплачивал проезд вместе с мастеровыми женщинами, но они, гляди-ка, понаехали, кто при муже, кто с отцом. Какое-то время Угэдэй раздумывал над тем, как обустроить выгодные для процветания города ремесла, а они проклюнулись сами собой. Да еще купцы обратились к его советнику за правом снять в городе новые помещения, предлагая в уплату серебро и лошадей. То есть город уже не был простым набором жилищ. У него своя жизненная среда, выходящая из-под его, Угэдэя, догляда и правления.

Хотя как сказать – так, да не так. Недоделка в планировке породила на юге города сеть узких проулков, и там уже вскоре осел и стал множиться лихой люд – разбойники, бродяги и воры. Но все это лишь до тех пор, пока слух об этом не дошел до Угэдэя. Он тут же велел снести там восемьсот домов, а всю эту часть города перепланировать и отстроить заново. Что до массовых казней лиходеёв, то их отслеживала его личная стража.

Перед Угэдэем вся улица умолкала. При виде человека, держащего в единой горсти их жизни, смерти и золото, мастеровые вместе с хозяевами все как один падали ниц. Чуткими ноздрями Угэдэй глубоко втянул воздух, наслаждаясь вкусом пыли на языке. Ощущение было такое, будто тем самым вдыхаешь само творение. Впереди уже проглядывали башни дворца, коронованного куполом с облицовкой из листового золота тоньше, чем бумага у его писцов. Своим жарким горением купол словно пленил и удерживал в городе солнце. Душа радовалась при виде этого.

Впереди улица, снабженная каменными гладко отшлифованными водостоками, шла на расширение. Эта ее часть с месяц назад была завершена, а потому шумливые толпы рабочего люда остались позади. Проезжая неспешной рысцой, Угэдэй не мог не поглядеть на внешние стены города, что приводили в недоумение и умудренных архитекторов из Цзинь, и простых работяг. Даже с невысокой точки седла взгляд временами ухватывал зелень наружных равнин. Да, стены невысоки, это известно. Но ведь даже мощные стены не уберегли от осады Енкин. Стены же чингизида – это воины, сыновья степных племен, что поставили на колени цзиньского императора и разрушили до основания города хорезмшаха.

Угэдэй уже любил свое творение – от необъятной площади для воинских упражнений, что по центру, до красных черепичных крыш и каменных водостоков, а также храмов всех

вер, рынков и тысяч, тысяч домов – пока еще в основном пустых и лишь ждущих своего часа, чтобы наполниться жизнью. На каждом углу ветер равнин упруго трепал синие полотнища – дань Великому небу и благосклонно вззирающему оттуда небожителю-отцу. На юге зеленели равнины, за которыми вдали млели розоватые громады гор. А здесь воздух был пылен и тепел, чем радовал сердце Угэдэя, любовно озирающего свой Каракорум.

Город постепенно облекался мягким сине-фиолетовым вечерним светом, когда Угэдэй, отдав поводья кравчему, взошел по ступеням дворца. Прежде чем зайти внутрь, он еще раз обернулся на город, все еще ждущий своего рождения. Чувствовался запах свежесвырытой земли, а поверх него в вечернем воздухе плыл дух съестного: это готовили себе трапезу мастеровые. Вообще-то загонов для скота под стенами при строительстве не предусматривалось, не должно было слышаться и квохтанья-гоготанья домашней птицы, которой здесь приторговывали на углах. Скажем, рынок шерсти у западных ворот – это к месту. Хотя нельзя ожидать, чтобы торговля замерла только из-за того, что город еще не достроен. Не зря же Угэдэй замыслил его на перекрестье древних торговых путей, которые и должны были помочь его городу ожить, а затем и зажить. Вот жизнь и начала непроизвольно в него вливаться – даже сейчас, пока еще целые улицы и кварталы представляли собой лишь нагромождение бревен, черепицы и камня.

Отведя глаза от полоски света, еще теплящейся на месте ушедшего солнца, чингизид улыбнулся кострам на окружающих город равнинах. Там Угэдэя ждут его люди. Тумены по его указанию сейчас кормят сочной бараниной – такой, что жир каплет на летнюю траву. Это напомнило Угэдэю о собственном голоде, и он облизнул губы, проходя в каменные ворота, не уступающие величием ни одним в цзиньских городах.

Пройдя в ворота, он приостановился в гулкой зале, любуясь на свою причуду: дерево литого серебра, грациозно устремленное под самый купол, сквозной свод которого напоминал дымник юрты пастуха. Без малого год ушел у серебряных дел мастеров из Самарканда, чтобы отлить и отполировать дерево, но оно того стоило. Теперь любой вошедший во дворец ахнул бы от богатства, олицетворяемого этим творением. Кто-то узрел бы в нем символ монгольских племен, ставших ныне единым народом. Ну а наделенный истинной мудростью, безусловно, пришел бы к выводу, что монголы настолько ни во что не ставят драгоценные металлы, что используют их как простые чушки для отливок.

Угэдэй задумчиво провел ладонью по стволу дерева, ощущая благородную прохладу. Торчащие в стороны ветви призваны были изображать жизнь и светились таинственной белизной, как, бывает, светятся березы в залитом луной лесу. Кивнув каким-то своим мыслям, чингизид сладко потянулся, а в это время рабы и слуги зажигали вокруг светильники, от которых сумрак снаружи сделался как будто гуще, – наверное, из-за длинных черных теней, пролеглих из углов.

Послышались торопливые шаги, и в залу вошел Барас-агур, старший слуга, глазами ища своего господина. При виде кипы бумаг у слуги под мышкой, а также озабоченного лица, Угэдэй невольно поморщился.

– Позже, Барас, – досадливо отмахнулся он. – Когда поем. День был долгим.

– Как скажете, хозяин. Но у вас посетитель: ваш дядя. Мне ему сказать, чтобы ждал, пока вы сами не соблаговолите позвать его?

Угэдэй ответил не сразу: отстегивал пояс с саблей. Все трое дядьев прибыли на каракорумскую равнину по его приказанию, образовав со своими туменами три обширных стана. Заходить в город он им всем запретил. Интересно, кто же ослушался? Быть может, Хасар, по разумению которого все указы и законы существуют для кого угодно, только не для него?

– Который из них? – спокойно осведомился Угэдэй.

– Суту⁸ Темугэ, хозяин. Я послал к нему слуг, но дожидается он уже долго.

Барас-агур пальцем прочертил движение солнца в небе, и Угэдэй раздраженно поджал губы. В тонкостях гостеприимства брат его отца разбирался как никто другой. Уже своим прибытием в тот момент, когда Угэдэй не мог его здесь встретить, он невольно заставил его, как племянника, чувствовать себя перед ним обязанным. И, похоже, неспроста. Чтобы добиться своего, такой, как Темугэ, тонко использует малейший повод. Хотя приказ был всем – и темникам, и нойонам⁹ – оставаться на равнинах. С сумрачным лицом Угэдэй последовал за старшим слугой в первый (и самый роскошный) покой для аудиенций.

– Распорядись сразу же подать мне вина, Барас. И еды – что-нибудь простое, то же, что едят нынче воины на равнине.

– Будет исполнено, хозяин, – привычно склонил голову слуга, думая между тем о предстоящей встрече.

Звуки шагов отзывались гулким и призрачным эхом в молчаливой анфиладе залов. На росписи стен и потолков, доставляющие ему обычно столько удовольствия, чингизид даже не глядел. А между тем они с Барас-агуром проходили мимо творений лучших художников исламского мира. Лишь приблизившись к покоям, Угэдэй поднял глаза на буйство красок и улыбнулся образу Чингисхана, ведущего войско в сражение у хребта Ехулин¹⁰. Помнится, за год работы художник запросил целое состояние, а Угэдэй, увидев результат, удвоил ему награду. Отец по-прежнему жил на этих стенах, как жил и в памяти своего сына. В известных Угэдэю племенах искусство живописи не знали совершенно, поэтому приходилось восхищенно замирать перед изображениями, созданными иноземцами. Впрочем, сейчас не до живописи, его дожидается Темугэ, и Угэдэй, прежде чем войти в покой, лишь коротко кивнул отцову образу.

С братом отца годы обошлись довольно безжалостно. В свое время Темугэ был тучен, как откормленный телец, а затем резко похудел, от чего шея пошла дряблыми складками, от чего он выглядел гораздо старше своих лет. На дядю, чинно поднявшегося для приветствия с обитого шелком стула, Угэдэй поглядел холодно, лишь через силу проявляя любезность к родственнику, прервавшему его уединение. Но что делать, от судьбы не уйдешь. Народ с нетерпением ждет, и Темугэ выпало всего-навсего первому нарушить покой чингизида.

– Ты хорошо выглядишь, Угэдэй, – были первые слова Темугэ.

Он сделал несколько шагов вперед, собираясь заключить племянника в объятия, от чего того тут же искрой пробило раздражение. Он обернулся к Барасу, а дядя так и остался стоять с приподнятыми руками.

– Вина и пищи, – бросил чингизид слуге. – Или ты так и будешь здесь топтаться, как овца?

– Бегу, хозяин, – с поспешным поклоном отозвался Барас-агур. – И пришлю еще писца, записать встречу.

Он засеменил прочь. Слышно было, как удаляются, постукивая, редкие среди монголов каблуки.

– Я прибыл к тебе не с посольством, Угэдэй, – с тонкой усмешкой сказал Темугэ. – К чему нам писцы и записи?

– Так ты здесь, получается, как мой дядя? И тебя ко мне отрядили не племена? И мой ученый родственник здесь не потому, что избран для разговора со мной всеми старейшинами родов?

⁸ Суту – наделенный почтением.

⁹ Нойон – светский феодал в Монголии.

¹⁰ В этой битве (1211) монгольское войско практически уничтожило кадровую армию империи Цзинь.

От точности сказанного, а еще больше от такого тона щеки Темугэ зарделись. Похоже, за стенами города лазутчиков у Угэдэя не меньше, чем у него самого (привычка, которую молодая монгольская держава быстро переняла у империи Цзинь). Сам Угэдэй сидел с непроницаемым видом, и было сложно определить, что у него на душе. Он даже не предложил родному дяде подсоленного чая. В попытке уяснить, настроен племянник воинственно или все-таки мирно, Темугэ сухо сглотнул.

– Ты ведь знаешь, Угэдэй, в войске только о том и разговор.

Чтобы как-то успокоиться, дядя сделал глубокий вдох. Под взглядом тигрино-желтых глаз чингизида он не мог отделаться от мысли, что общается не с племянником, а с неким воплощением самого Чингисхана. Ишь каков: телом хоть и не в великого хана, а посмотришь ему в глаза, и холод по спине. Лоб Темугэ покрылся испариной.

– Вот уже два года, как ты отстранился от владений своего отца, – начал на свой страх и риск Темугэ.

– Это ты так решил? – перебил Угэдэй.

– Ну а что еще мне остается думать? – храбро выдерживая его взгляд, продолжил Темугэ. – Тумены и семьи ты оставил в поле, затем принялся строить этот город, а они в это время пасли стада и табуны. Два года, Угэдэй! – Он понизил голос до шепота. – Есть те, кто поговаривает, что ум твой сломлен скорбью об отце.

Угэдэй про себя горько улыбнулся. Уже одно упоминание об отце подобно сдиранию поджившей кожи с раны. Обо всех этих слухах он осведомлен. Более того, некоторые из них пустил сам: пускай враги маются в догадках. И тем не менее он избранный наследник великого Чингиса, первого хана державы. Воины, можно сказать, отца обожествляют, так что опасаться каких-то там слухов в армейских станах чингизиду не пристало. Иное дело – слухи среди родичей...

Отворилась боковая дверь, и в покой во главе дюжины цзиньских слуг вплыл Барасагур. Слуги хлопотливо взялись за дело. Не прошло и минуты, как на расстеленной между собеседниками хрустко-белой скатерти уже стояли бронзовые чаши и блюда с едой. Угэдэй, переместившись со стула на устеленный кошмой пол, сел, скрестив ноги, и жестом предложил дяде присоединиться. С тайной усмешкой он наблюдал, как стареющий родственник медленно, поскрипывая суставами и побряхтывая, усаживается напротив. Услав слуг, Барас собственноручно подал чай Темугэ, который с явным облегчением принял чашу в правую руку и, прижмурившись с глубокомысленным видом – как, видимо, делал и в других начальственных юртах на равнинах, – шумно втянул губами глоток солоноватого питья. Что до Угэдэя, то он увлеченно смотрел, как ему в кубок с журчанием льется багровая, с искринкой струя вина. Кубок он быстро осушил и снова выставил, прежде чем слуга успел отойти.

От него не укрылось, как дядя украдкой метнул взгляд на приведенного Барасагуром писца, который почтительно стоял в сторонке у стены. Как и все, Темугэ, безусловно, понимал силу начертанного слова. Кто, как не он, собирал и хранил у себя сказания о несравненном Чингисхане и становлении могучего монгольского ханства. Один из списков тех сказаний, заботливо переплетенный и уложенный в выделанную козлиную шкуру, держал у себя и Угэдэй. Это была, можно сказать, одна из самых ценных его вещей. Хотя бывают случаи, когда беседы предпочтительней не записывать.

– У нас разговор с глазу на глаз, Барас, – сказал он слуге. – Кувшин оставь, а писца уведи.

Вышколенный слуга немедля повинувался, и спустя считанные секунды собеседники вновь остались наедине. Угэдэй, осушив чашу, рыгнул.

– Ну, так что тебя нынче привело ко мне, дядя? Через месяц ты сможешь совершенно свободно войти в Каракорум вместе со всем своим туменом и народом. Будет пир, будет гулянье – такое, что легенды о нем станут годами переходить из уст в уста.

Темугэ вдумчиво оглядел своего собеседника. Насколько все-таки молод племянник: лицо еще совсем без морщин. Но уже усталое, суровое, со следами тяжелых дум. Действительно, тяжелую и странную ношу взвалил на себя Угэдэй этим своим городом. Ведь известно, что среди воинов в станах лишь единицы как-то пекутся об этом Каракоруме. В глазах же военачальников, которые воевали еще под Чингисханом, это просто небывалая вызывающая кичливость и зряшная трата белого мрамора, уложенного к тому же по образцу, принятому в покоренных цзиньских землях. Что до Темугэ, то он рад был бы поведать этому молодому человеку о своей любви к новому творению, но только словами, которые не могут быть истолкованы как липкая лесть. Ведь он и вправду любил его, этот город. Когда-то Темугэ и сам мечтал построить нечто подобное – место с широкими улицами, внутренними дворами и даже библиотекой с тысячами чистых дубовых полок, пустующих в ожидании сокровищ, что когда-то на них лягут.

– Ты ведь не глуп, Угэдэй, – произнес Темугэ. – Ведь не случайно твой отец из всех твоих братьев, даже старших, избрал именно тебя. – Угэдэй кольнул дядю взором, но тот, кивнув, продолжал: – Иногда я размышляю, а не стратег ли ты, равный по дарованию Субэдэй-багатуру. Ведь два года уже народ живет считай что без вождя, без торной дороги, а у нас еще нет междоусобной войны и нойоны не лезут друг на друга стенка на стенку.

– Может, это оттого, – тихо проговорил Угэдэй, – что у них постоянно на виду мой личный тумен, а среди жителей шелестят мои писцы и лазутчики? Люди в красно-черном волками рыщут, вынюхивая измену.

Темугэ лишь фыркнул:

– Не страх их удерживает, а смятение. Они пока не разглядели твоего замысла, поэтому ничего и не предпринимали. Ты наследник своего отца, но к присяге их так и не призвал. Никто не понимает, что к чему, оттого и выжидают, высматривают. Все по-прежнему ждут от тебя дальнейших действий.

Губы Угэдэя тронуло подобие улыбки.

Вот бы знать, что на уме у племянника, – но кто их нынче разберет, этих молодых? Все как один скрытные, не докопаешься.

– Ты выстроил свой город на равнинах, Угэдэй. Армии собрались по твоему призыву. Теперь они здесь, и многие впервые видят это достославное место воочию. Ты думаешь, они просто преклонят колени и присягнут только из-за того, что ты сын своего отца? У него ведь есть и другие уцелевшие сыновья, не только ты. Ты о них ни разу не задумывался?

Отчаянные попытки дяди одним лишь буравящим взглядом выведать тайны вызвали у Угэдэя очередную улыбку. Есть среди его секретов такой, который тебе никак не разузнать, как ни пялься. Внутри от вина начинало разливаться благодное довольство, словно лаской убаюкивая боль.

– Если таковым, дядя, и было мое намерение – выиграть себе два года мира и построить город, то, получается, я этого добился, разве нет? Может, это и есть то единственное, чего я хотел.

Темугэ развел руками.

– Ты мне не доверяешь, – сказал он с подлинной удрученностью.

– Вернее сказать, доверяю не больше и не меньше, чем остальным, – мягко хохотнул Угэдэй, – уверяю тебя.

– Умный ответ, – обидчиво заметил Темугэ.

– Ну так на то ты и умный человек. – Угэдэй раздраженно дернул щекой. – А значит, того заслуживаешь.

Вся легкость из него улетучилась, стоило ему через скатерть податься лицом к дяде, который тут же безотчетно попытался отодвинуться.

– С новой луной, – отчеканил чингизид, – я возьму клятву верности со всего войска, от десятника до родовитейшего вожда каждого племени. Объясняться, думаю, не надо. Они преклонят передо мной колени. Все. Не потому, что я сын своего отца, а потому, что я отцов избранный наследник, первый во всей державе.

Угэдэй как будто бы спохватился о сказанном, и его чувства словно задержала глухая завеса. Видно, набрасывать на них аркан он научился смолоду.

– Ты не сказал мне, зачем сюда пришел, – неожиданно напомнил дяде Угэдэй.

Темугэ протяжно вздохнул, понимая, что момент упущен.

– Я пришел удостовериться, что ты осознаешь опасность, Угэдэй.

– Ты меня пугаешь, – с улыбкой сказал племянник.

– От меня тебе угрозы нет, – вспыхнул Темугэ.

– Так откуда на меня, в таком случае, может обрушиться эта гроза, в моем городе из городов?

– Ты надо мной надсмехаешься, хотя я проделал весь этот путь, чтобы помочь тебе, а также увидеть выстроенное тобой творение.

– Оно красиво, не так ли? – спросил Угэдэй.

– Оно *прекрасно*, – выдохнул Темугэ с такой прозрачной искренностью, что Угэдэй невольно поглядел на своего дядю внимательней.

– На самом деле, – как бы признаваясь, сказал он, – мне здесь нужен человек, который заведовал бы моей библиотекой, собирал со всех концов света рукописи и свитки, пока все, решительно все ученые умы не узнают, что такое Каракорум и где он находится. Наивная, быть может, мечта.

Темугэ в неуверенности молчал. От самой такой мысли взлетало сердце, но и подозрение, само собой, тоже закрадывалось.

– Ты по-прежнему надо мною подшучиваешь? – придав своему голосу спокойствие, поинтересовался он.

– Только когда ты надуваешься, как старая овца, со своими предостережениями, – пожал плечами Угэдэй. – Или ты меня предупреждаешь насчет яда, который мне якобы могут подсыпать в пищу или в вино?

На лице у Темугэ проступили пятна раздраженного румянца.

– А вообще, разве недостойное предложение? – между тем с улыбкой продолжал Угэдэй. – Пасты лошадей и овец у нас здесь может каждый. А вот пасты книгочеев, думается, мог бы только ты. Ты прославишь Каракорум. Я хочу, чтобы молва о нем шла от моря до моря.

– Если уж ты так ценишь мой ум, Угэдэй, – ворчливо заметил Темугэ, – то мог бы прислушаться к моим словам, хотя бы на этот раз.

Угэдэй обреченно махнул рукой:

– Ладно, дядя, говори, коли уж это тебе так надо.

– Два года мир тебя ждал. Никто не смел выдвинуть хотя бы одного солдата из страха, что станет первым примером твоей сокрушающей кары. Притихли даже Цзинь и Сун¹¹, подобно оленю, чующему, что где-то неподалеку затаился тигр. Так вот, это время подошло к концу. Ты призвал к себе свои армии, и уже через месяц, если ты до этого доживешь, быть тебе ханом.

– Если доживу? – переспросил Угэдэй.

– Где сейчас твои верные нукеры, Угэдэй? Ты отозвал их, и никто теперь не рыщет волками по станам в поисках крамолы. И при этом ты думаешь, что расправиться с тобой

¹¹ Империя Сун – государство в Китае, существовавшее с 960 по 1279 г. Правящая династия – Чжао.

настолько уж сложно? Свались ты нынче ночью с крыши и проломи голову о булыжники своего драгоценного города, кто тогда станет к новолунию ханом?

– Лучше других шансы у моего брата Чагатая, – пренебрежительно бросил Угэдэй. – Если только не оставят в живых Гуюка, моего сына. По линии отца значится также Тулуй. У него тоже входят в возраст сыновья: удалые Менгу и Хубилай, Арик-бокэ и Хулагу. Со временем все они могут стать ханами. – Он улыбнулся, позабавленный чем-то, для Темугэ не вполне ясным. – Так что, как видишь, чингисово семя крепко. У всех у нас есть сыновья, но все мы при этом оглядываемся на Субэдэя. На чьей стороне будет непобедимый военачальник моего отца, за тем пойдет и войско, тебе не кажется? А без него начнутся распри, а там – и межплеменная война. Разве облеченные властью когда-то действовали иначе? Я, кстати, еще не упомянул мою бабу¹². Зубов и глаз у нее уже нет, но дай ей только волю, она на всех страху нагонит.

– Уповаю лишь на то, что твои действия не так беспечны, как твои слова, – неотрывно глядя на племянника, сказал Темугэ. – По крайней мере, удвой свою личную стражу, Угэдэй.

Чингизид кивнул. Он не счел нужным упомянуть о том, что расписные стены покоя скрывают за собой зорко стерегущих людей. Непосредственно в эту минуту на Темугэ были нацелены два арбалета¹³ – один в грудь, другой в спину. От Угэдэя достаточно всего лишь мимолетного жеста, чтобы из его дяди вышибли дух.

– Я тебя выслушал и поразмыслю над твоими речами. Пожалуй, поручать тебе заведение моей библиотекой и обителью учености я не стану – во всяком случае, пока не появится и не сойдет новая луна. Если дожить мне не суждено, то мой последователь вряд ли будет так привязан к Каракоруму.

Угэдэй увидел, что слова его нашли отклик. Вот и хорошо: хотя бы один из властей предержавших будет прикладывать старания, чтобы он оставался в живых. У всех людей есть своя цена, которая, кстати сказать, далеко не всегда измеряется золотом.

– А теперь, дядя, мне надо спать, – нарочито позевывая, проговорил Угэдэй. – Каждый день мой исполнен трудов и замыслов. – Поднимаясь, он приостановился и довершил свою мысль: – И вот еще что. Все эти годы я не был ни слеп, ни глух. Народ моего отца перестал на время покорять новые земли, ну так и что с того? Вскормленный молоком и кровью, он отдохнул, посвежел и теперь с новыми силами готов идти на новые завоевания. А вот я построил город. Не бойся за меня, дядя. О своих военачальниках и их верности я знаю все, что мне надо.

Чингизид встал на ноги с гибкостью молодого, а вот беспомощно забарахтавшемуся на полу дяде, чтобы подняться, понадобилась его рука.

– Думаю, Угэдэй, твой отец гордился бы тобой, – хрустя коленями и морщась от натуги, прокряхтел при этом Темугэ.

К его удивлению, племянник покачал головой:

– Сомневаюсь. Я разыскал полукровка-сына своего брата Джучи и взял его к себе в кешиктены, да еще и сделал нойоном. Думаю пестовать его и дальше, в память о моем брате. Отец мне это ни за что не простил бы. – Он улыбнулся такой мысли. – Да и Каракорум наверняка пришелся бы ему не по нраву.

Угэдэй кликнул Барас-агура, чтобы тот вывел Темугэ из совсем уже темного города на равнину, где в обширных воинских станах воздух густ от запаха измены и подозрений.

Подняв кувшин, хозяин дворца снова наполнил кубок и, подойдя к каменному балкончику, выглянул на улицу, подернутую восковым светом луны. Дул ветерок, приятно охлаждающая кожу и блаженно прикрытые веки. Сердце покалывало, и Угэдэй взялся его растирать,

¹² Видимо, Угэдэй имеет в виду Оэлун, мать Чингисхана. К слову, Темугэ – ее родной сын.

¹³ Речь идет об арбалетах, заимствованных монголами у китайцев.

делая это все энергичней. Боль, казалось, разливается по всей груди. От пугающе сильной пульсации вен Угэдэя прошиб пот. В висках стучало, под ногами поплыло. Слепо протянув вперед руку, он оперся о каменное перильце балкона, медленными глубокими вздохами унимая тошнотную щекоющую слабость, пока сердце не умерило свой бег. Железный обруч вокруг головы как будто разнялся. Сузились до точек помаргивающие дальние огни, породив тени, видные лишь ему одному. Угэдэй поднял глаза к отрешенно сияющим звездам – на лице его была горечь. Внизу под ногами виднелось еще одно строение, вытесанное из камня. Временами, когда боль, вызванная особенно сильным приливом, покидала тело, оставляя после себя лишь дрожь и потливую слабость, он боязливо думал о том, что не успеет ничего закончить. А сам, гляди-ка, успел. Управился. Усыпальница уже готова, а он по-прежнему жив. Кубок за кубком Угэдэй опустошал кувшин, пока в голове не помутилось.

– Сколько мне еще осталось? – едва слышно прошептал он. – Годы, или уже дни?

Угэдэю представилось, что он беседует с духом отца. Чингизид говорил, пьяно пома- хивая кубком и расплескивая вино:

– Мне было *мирно*, отец. Мир-но, понимаешь? Тогда, когда я думал, что дни мои сочтены. Какое мне было дело до твоих военачальников и их грызни между собой? А теперь вот поднялся мой город, и мой народ к нему подошел и увидел, а я все еще здесь. Живой. Так что же мне теперь делать? А?

Он поднял голову, незряче вслушиваясь в темноту. Но ответа не было.

Глава 2

Развалившись на солнышке, Тулуй лениво поглаживал влажные волосы жены. Когда он приоткрывал глаза, то видел, как в водах реки Орхон, повизгивая, плещутся четверо его сыновей. Когда прикрывал, красноватая мгла зажмуренных век вызывала приятную расслабленность. Полностью расслабиться мешали лишь бдительно стоящие поодаль нукеры. Тулуй недовольно поморщился. Воистину, нет умиротворения в стане, где каждый с ревнивой опаской прикидывает, является его сосед сторонником Чагатая или Угэдэя, а может, кого-то из военачальников или же их соглядатаем. Иногда прямо-таки досада разбирала: ну что мешает двум старшим братьям повстречаться где-нибудь наедине и все меж собой уладить, чтобы он, Тулуй, мог спокойно, тихо-мирно жить и радоваться, как, скажем, в такой вот погожий день, когда рядом в объятиях красавица жена, а неподалеку играют дети, четверо здоровых сорванцов... С утра они упрашивали отца позволить им нырнуть с водопада. Он не разрешил, так они, видать, решили пойти в обход родительского запрета (наверняка Хубилай подбил на это Менгу) и сейчас тихонько, с оглядкой, подбирались все ближе к тому месту, где козья тропа утыкалась в ревущую реку. Сквозь прищуренные веки Тулуй наблюдал, как двое мальчиков постарше украдкой виновато оглядываются, при этом рассчитывая, что родители задремали на пригреве. А младшенькие, Арик-бокэ и Хулагу, безусловно посвященные в их задумку, аж подскакивают от радостного нетерпения, как лисята возле норы.

– Ты их видишь? – сонно мурлыкнула Сорхахтани.

– Вон они. А знаешь, – с улыбкой признался Тулуй, – так и хочется дать им попробовать. Оба плавают как выдры.

Для племен травянистых равнин, чьи дети учатся стоять, хватаясь за ноги стреноженных лошадей, а верховой ездой овладевают прежде, чем навыками речи, это занятие было все еще из разряда новых. У этих людей реки искони считались источником жизни для табунов и стад или же препятствием, если вдруг, взбухая, превращались в грозные всесокрушающие потоки. Лишь с недавних пор они стали еще и источником забавы и удовольствия, особенно для ребятни.

– Ну да. Не тебе потом умасливать их ссадины да шишки, – сказала Сорхахтани, уютно припадая к плечу мужа. – А если еще и кости переломают?

Тем не менее она промолчала, когда Менгу, влажно поблескивая голым телом, все же рванулся по тропе. Хубилай снова исподтишка зыркнул на родителей и, чуть помешкав, рванул следом.

Как только мальчики скрылись из виду, Тулуй с Сорхахтани резко сели, но тут же весело переглянулись, видя, как Арик-бокэ с Хулагу, изогнув тоненькие детские шеи, озадаченно поглядывают вверх на крутой скат, с которого стремительно низвергается молочный от пены поток.

– Не знаю даже, который из них бедовой, Менгу или Хубилай, – сказала Сорхахтани, пожевывая кончик сорванной травинки.

– Хубилай, – не сговариваясь, произнесли они разом и рассмеялись.

– А Менгу напоминает мне отца, – с легкой задумчивостью произнес Тулуй. – Ничего не боится.

Сорхахтани тихонько фыркнула:

– Тогда ты должен помнить, что однажды сказал твой отец, когда выбирал, которого из двоих воинов поставить темником.

– Я сам при том присутствовал, – понял скрытый намек Тулуй. – Он сказал, что Уссутай ничего не страшится и не чувствует ни голода, ни жажды. А потому в командиры не годится.

– Твой отец был мудр. Мужчина должен хоть немного, но все-таки испытывать страх. Хотя бы для того, чтобы иметь гордость его преодолеть.

Обоих заставил оглянуться дикий вскрик: в пенных бурунах из-под водопада с радостно-взволнованным взвизгиванием показался Менгу, успевший нырнуть и вынырнуть. Скат был небольшим, с десятков локтей, но для одиннадцатилетнего мальчика высота поистине геройская. Увидев старшего сына целым и невредимым, Тулуй более-менее успокоился и разулыбался. Менгу плыл, отфыркиваясь; зубы на буром от загара лице жемчужно блестя. Подобно птицам, раскричались Арик-бокэ с Хулагу, радуясь за брата. Затем стали искать глазами Хубилая.

Тот показался вверх тормашками. Его несло с такой быстротой, что он, не вписавшись в поток, кувыркнулся со ската по воздуху. Тулуй невольно сощурился, глядя, как неуклюже, плашмя грянулся горе-ныряльщик вниз о воду. Остальные сыновья, пересмеиваясь, тыкали в его сторону пальцами. Сорхахтани почувствовала, как напряглись мышцы мужа: он собрался вскочить. Но тут Хубилай показался на поверхности. Он громко ревел. Весь бок у мальчишки был ободран. Выплыв, он, прихрамывая, побрел к берегу, но ревел, похоже, не от боли, а от неумного торжества.

– Надо будет поучить их уму-разуму, – рассудил Тулуй.

– Как скажешь, – пожал плечами жена. – Сейчас их одену и пошлю к тебе.

Тулуй кивнул, тайком ловя себя на том, что ждал ее согласия на наказание ослушников. Провожая мужа взглядом, Сорхахтани улыбнулась. Хороший он все-таки человек. Пусть не самый сильный и непоколебимый среди отпрысков Чингисхана, но во всем остальном определенно лучший.

Собирая затем раскиданную по всем кустам одежду сорванцов, она отчего-то с теплотой припомнила человека, который при жизни вызывал у нее невольный страх. Вспомнилось, как однажды великий Чингисхан посмотрел на нее как на женщину, а не просто как на жену одного из своих сыновей. Дело было далеко-далеко на чужбине, на берегу какого-то озера. Искушавшись, Сорхахтани выходила из воды, и тут на нее упал взгляд великого хана. Он словно схватил ее глазами, которые сделались вдруг яркими от красоты ее молодости, ее женственности. Все это длилось не дольше секунды. А она улыбнулась ему, разом и в страхе, и в благоговении.

– Да, вот это был мужчина, – с задумчивой мечтательностью произнесла Сорхахтани, довольно покачав головой.

* * *

Хасар стоял на возу, размером напоминающем дощатый настил. Спинай он опирался о белый войлок ханского хошлона. Сам хошлон был вдвое шире и в полтора раза выше обычных юрт. В свое время Чингисхан собирал сюда на совет своих военачальников. За полгода, что прошли после смерти хана, Угэдэй об этом громоздком шатре, который тащила упряжка из шести быков, ни разу и не вспомнил, так что Хасар потихоньку прибрал хошлон к рукам. Его право на это никто не оспаривал – не осмеливались.

О приближении брата Хасар догадался по запаху жареного мяса тарбагана, которое Хачиун притащил на обед.

– Давай поедим на воздухе, – предложил он. – День такой хороший, что нам внутри мориться?

Вместе с исходящим паром блюдом Хачиун принес еще и тугой бурдюк архи, который на ходу кинул брату.

– А остальные где? – поинтересовался он, размещая блюдо на краю настила и присаживаясь возле, свесив ноги.

Хасар в ответ пожал плечами:

– Джэбэ сказал, что будет. Еще я послал за Джелме и Субэдэем. Пусть сами решают, приходиться или нет.

Хачиун осуждающе поцокал языком. Лучше было самому всех оповестить, чтобы братец ничего не забыл, не сболтнул или не напутал. Хотя теперь что толку его отчитывать: сидит себе уписывает ломтики мяса, аж за ушами трещит. Хасар все такой же, как был, к добру или к худу. Иногда это бесило, иногда – хотя и реже – наоборот, успокаивало.

– А он этот свой город почти уже достроил, – с ноткой злорадства сообщил Хасар. – Странное такое место: стены совсем низкие, я бы на лошади перемахнул.

– Думаю, он это и хотел всем показать, – поглядел на брата Хачиун, одной рукой беря с соседнего блюда лепешку, а другой подцепляя ломтик мяса. Увидев на лице Хасара непонимание, со вздохом пояснил: – Стены – это мы, брат. Он хочет, чтобы все видели: прятаться за стенами, как это делают в Цзинь, ему нет нужды. Понимаешь? Тумены нашего войска и есть его стены.

– Умно, – промычал, жуя, Хасар. – Но стены он, в конце концов, надстроит, вот увидишь. Дай ему годок-другой, и он начнет класть камни, ряд за рядом. Города, они заставляют бояться.

Хачиун пристально смотрел на брата: неужто ума у него так и не прибавилось?

Заметив этот внезапный интерес, Хасар заулыбался:

– Ты же сам это сколько раз видел. Вот у человека появляется золото. И он начинает жить в страхе, как бы его кто-нибудь не отнял. Строит стены. И тут всем становится ясно, где именно это золото лежит, и они приходят и забирают его. Так оно всегда было, брат. Глупцы и золото неразлучны вовек.

– Не знаю, что мне про тебя и думать, – протягивая руку за добавкой, сказал Хачиун. – То ли ты дитя, то ли большой мудрец.

«Лучше мудрец», – собирался сказать Хасар, но поперхнулся едой, так что Хачиуну пришлось усердно подубасить его по спине. Надо же выручить всегдашнего брата и друга. Прокашлявшись и отдышавшись, Хасар отер непрошенные слезы и как следует приложился к бурдюку с архи.

– Думаю, к новой луне стены ему понадобятся.

Хачиун машинально огляделся, не подслушивает ли кто. Нет, вокруг лишь колыхание травы, которую мирно щиплют их две низкорослые лошадки. А там дальше под солнышком упражняются воины, готовясь к обещанным Угэдэем небывалым состязаниям. Главные награды – серые шелкогривые жеребцы, а также доспехи – ждут борцов и лучников, хотя без вознаграждения не останется никто, даже победители в забеге через поле. Куда ни глянь, все повсюду сейчас увлеченно тренировались – кто группами, кто поодиночке; в подозрительной близости никто не ошивался.

Хачиун малость успокоился.

– Ты что-нибудь слышал?

– Ничего. Однако лишь глупец может полагать, что клятва на верность пройдет без сучка без задоринки. Угэдэй не глуп и не труслив. Он видел, как я убивался после... – на секунду Хасар смолк, его глаза как будто похолодели и пригасли, – после того как не стало Тэмуджина¹⁴. – Он еще раз приложился к крепкому хмельному питью, от чего голос его сорвался. – Если бы Угэдэй затребовал клятву тогда, сразу после кончины хана, никто в племенах и шагу не осмелился бы в его сторону сделать. Но теперь?

Хачиун мрачно кивнул:

¹⁴ Тэмуджин – собственное имя Чингисхана.

– Теперь иное. Хотя Чагатай сейчас тоже набрал силу, и добрая половина народа подумывает, а отчего бы ханом не стать ему.

– Вот что я скажу тебе, брат, – с решительным видом проговорил Хасар. – Быть крови. Хоть так крути, хоть эдак, но быть. Надеюсь лишь, Угэдэй знает, когда миловать, а когда резать глотки.

– У него есть *мы*. – Хачиун выдержал многозначительную паузу. – Для того я и хотел здесь повстречаться, брат, чтобы сообща обсудить, как благополучно утвердить его на ханство.

– Меня, Хачиун, не для того под эти белые стены звали, чтобы спрашивать моего совета. Я думаю, и твоего тоже не спросят. Ты не знаешь, верит ли он нам больше, чем остальным. Спрашивается, с какой стати? Ты и сам мог бы стать ханом, если б захотел. Это ведь ты считался наследником Тэмуджина, пока его сыновья еще росли.

Было видно, что эти слова брату поперек души: он раздраженно передернул плечами. Стан буквально гудел от всех этих пересудов, которые им обоим обрыдли.

– В любом случае, ты лучше, чем Чагатай, – спохватившись, неуклюже польстил Хасар. – Ты видел, как он нынче разъезжает со свитой своих прихлебаев? Молодой такой, *чинный*...

С высоты повозки он демонстративно сплюнул наземь.

Хачиун вымученно улыбнулся:

– Уж не зависть ли тебя мучает, брат?

– Зависть? Да что ты. Разве что грущу о своей молодости. А мучат меня старые раны, изношенные колени, да еще то, что ты тогда не уберег меня от удара копьем в плечо – вот оно меня теперь терзает.

– Уж лучше оно, чем зависть, – рассудил Хачиун.

Хасар только хмыкнул.

Оглянувшись, он увидел, как к ним через поле приближаются Джэбэ с Субэдэем. Уже по тому, с какой уверенностью чингисовы военачальники вышагивают по летней траве, было видно, что они пользуются непрерываемым авторитетом и властью. Хачиун с Хасаром переглянулись с лукавым подмигом.

– Чай в чашке, мясо в миске, – по-свойски приветствовал вновь прибывших Хасар. – А мы тут обсуждаем, как вернее оберечь Угэдэя, чтобы он и впредь нес для нас девятигривое белое знамя.

Символ объединенных племен по-прежнему трепетал у него над головой – девять конских хвостов, что когда-то пестрели разными родовыми цветами, пока Чингисхан не велел их выбелить в один, единый. И никто не смел посягнуть на этот знак власти, равно как и оспорить Хасарово пользование громадным, на шесть быков, возом.

Субэдэй вольготно устроился на краю настила, свесив с него ноги, и потянулся за лепешками и тарбаганьим мясом. Он знал – Хачиун с Хасаром ждут, что он им скажет. По природе своей немногословный и избегающий внимания, Субэдэй неторопливо поел и пару раз хлебнул архи.

В общем молчании Джэбэ облокотился о войлочную стену и с расстояния озирает город, зыбким белым миражом подрагивающий в переливчатых струях теплого воздуха. Под ласковым сиянием солнца горел золотом купол Угэдэева дворца: казалось, что из города тарашится какой-то невиданных размеров зрак.

– А ко мне *подходили*, – поделился наконец Джэбэ.

Субэдэй перестал жевать. Хасар, скосив глаза, отнял ото рта бурдюк, к которому хотел было приложиться.

– Что вы так смотрите? – повел плечами Джэбэ. – Можно подумать, вы не знали, что это рано или поздно произойдет. Не со мной, так с кем-нибудь другим из нас. Посланец был незнакомый, без указаний на звание.

– От Чагатая? – уточнил Хачиун.

Джэбэ кивнул:

– А от кого же еще? Но без имен. Они мне не доверяют. Так, легкая проба, куда я после этого метнусь.

– Вот ты и метнулся, – криво усмехнулся Субэдэй, – на виду у всех родов. Нет сомнений, что у них теперь за тобой догляд.

– Ну и что с того? – с вызовом посмотрел Джэбэ. – Я по-прежнему предан Чингисхану. Или я хоть раз пытался зваться своим родовым именем Джиоргадай? Нет, я ношу имя, которым меня нарек Чингисхан, и храню верность его сыну, которого он назвал наследником. Какое мне дело до того, кто и что подумает, видя меня за беседой с его темниками?

Субэдэй со вздохом откинул недоеденный кусок:

– Мы знаем, кто, вероятнее всего, попытается сорвать принятие клятвы. Только не знаем, как они думают это обставить и сколько народу их поддержит. Подойди ты ко мне тихонько, Джэбэ, я бы поручил тебе согласиться на все, что они предлагают, и вызнать, что у них на уме.

– Блуждать впотьмах, Субэдэй, – достойное ли это занятие? – с усмешкой спросил Хасар, взглянув при этом на брата с расчетом на поддержку.

Но тот отвел глаза и покачал головой:

– Субэдэй прав, брат. Если бы дело было только в том, чтобы продемонстрировать нашу поддержку Угэдэю и идущим за нами достойным людям... Ты пойми, до Тэмуджина никакого хана у нашего народа не было, а потому нет и законов, по которым переходит ханская власть.

– Законы диктует сам хан, – не моргнув глазом, ответил Хасар. – Я не видел никого, кто бы сетовал, когда он велел нам всем присягнуть Угэдэю как своему наследнику. Чагатай, помнится, и тот преклонил колени.

– Потому что выбор у него был пасть ниц или умереть, – сказал Субэдэй. – А теперь, с кончиной Чингисхана, вокруг Чагатая собрались те, кто нашептывают ему в оба уха. А нашептывают они одно: что единственная причина, по которой он не стал наследником, это его нелады с братом Джучи. А теперь получается, что Джучи нет в живых и дорога свободна.

Он на секунду смолк, вспоминая синеватый снег, окрасившийся кровью, сумрачной и густой. При этом лицо старого воина было абсолютно непроницаемым и бесстрастным.

– У нас еще нет обычаев передачи власти, освященных временем, а потому непреложных, – устало продолжал Субэдэй. – Да, Чингисхан избрал своего наследника, но ум его при этом был затуманен гневом на Джучи. А ведь не так уж давно он открыто благоволил именно Чагатаю и ставил его выше остальных своих сыновей. Разговоры об этом так и бурлят. Мне иногда кажется, заяви Чагатай о своих притязаниях в открытую и пойдя на Угэдэя с мечом, добрая половина войска не станет ему препятствовать.

– Зато другая разорвет в клочья, – упрямо вздернул подбородок Хасар.

– И в одно мгновение у нас вспыхнет внутренняя война, да такая, что держава расколется надвое. И все, что построил Чингисхан, вся наша сила сгорит почем зря в этом губительном пламени. Думаете, пройдет много времени, прежде чем на нас двинутся арабы или цзиньцы?.. Вот и я о том же. Так что если нас ждет такое будущее, я лучше отдам девятигривое знамя Чагатаю нынче же. – Видя недоуменно-рассерженные взгляды собеседников, он поднял заскорузлую ладонь: – Только не подумайте, что это речь изменника. Разве не шел я за Чингисханом даже тогда, когда все во мне криком кричало о его неправоте? И память его я не предаю. Ханом я хочу видеть Угэдэя, таково мое слово.

Субэдэю снова, в который раз, подумалось о молодом еще человеке, поверившем его словам о благополучном переходе власти. Да, некогда его, Субэдэя, слово и впрямь было из стали. А теперь? О, переменчивость толпы, что ей бунчук ханского багатура? Его грозная слава что ей?

– Уф-ф, – облегченно выдохнул Хасар. – Я уж было забеспокоился.

Субэдэй посмотрел без улыбки. Братья были не моложе его, но терпеливо ждали, что он скажет. Да, он и вправду слыл великим военачальником, стратегом, способным продумать и осуществить бросок на любой местности и каким-то образом вырвать победу. Они знали, что с ним удача вполне может оказаться на их стороне.

– Субэдэй, – настороженно хмурясь, сказал Хачиун, – тебе тоже надо себя беречь. Потерять такого, как ты, для нас просто невысказано. Ты слишком ценен.

– Надо же, – Субэдэй вздохнул, – слышать такие слова, и где? Возле юрты моего хана! Ты прав, мне следует соблюдать осторожность. Я – препятствие для того, кого мы все опасаемся. Надо быть уверенным, что твои стражи – именно те люди, которым можно доверить свою жизнь, что они не поддадутся ни на подкуп, ни на угрозы и обо всем сообщат тебе. Если у тебя вдруг пропадают жена и дети, можешь ли ты по-прежнему доверяться тем, кто стережет твой сон?

– Какая неприятная мысль, – помрачнел Джэбэ. – Неужто ты и в самом деле полагаешь, что мы дошли до этой точки? В такой день мне с трудом верится в ножи, притаившиеся в каждой тени.

– Если Угэдэй станет ханом, – вместо ответа продолжил Субэдэй, – он может убить Чагатая либо же просто править, хорошо или плохо, следующие лет сорок. Но Чагатай этот срок пережить не будет, Джэбэ. Он устроит что угодно – покушение, засаду, прямую попытку переворота. Зная его, я просто не могу представить, чтобы он сидел сложа руки, в то время как его кипучей энергией и самой жизнью станут распоряжаться другие. Не такой он человек.

Солнечный свет, казалось, потускнел от таких холодных слов.

– А где Джелме? – словно опомнился Джэбэ. – Он сказал мне, что будет здесь.

Субэдэй потер шею и с хрустом поворачивал ею в обе стороны. Он уже много недель кряду не высыпался, хотя и не говорил об этом вслух.

– Джелме остается верным, – степенно произнес Субэдэй. – Насчет него не волнуйтесь.

Эти слова заставили его собеседников нахмуриться.

– Верен? – усмехнулся Джэбэ. – Но кому? Которому из сыновей Чингисхана? Это до конца не ясно. Если же мы не узнаем этого наверняка, держава может расколоться надвое.

– Вообще-то, говоря начистоту, нам надо просто взять и убить Чагатая, – рубанул ладонью воздух Хасар. Под напрягшимися взглядами остальных он мстительно, с вызовом улыбнулся: – Что, слов моих боитесь? Стар я, чтобы держать их на привязи. С какой это стати Чагатай поступает, как ему заблагорассудится, а мы перед ним трясемся? Почему я должен проверять и перепроверять своих нукеров, не настроил ли их кто против меня? Этому можно положить конец уже сегодня, и тогда Угэдэй в новолуние станет ханом без всякой угрозы войны. – Видя недовольные лица собеседников, он с досады снова плюнул. – Я не склонюсь перед вашим неодобрением, так что не ждите! Если вам по нраву еще целый месяц шараться ото всех углов и тайком шушукаться, то дело ваше, как быть дальше. А по мне, так лучше взять быка за рога и ударить стремительно, разом положив всему конец. Что, по-вашему, сказал бы Чингисхан, будь он сейчас здесь среди нас? А? Да он бы просто взял и одним ударом рассек Чагатаю глотку!

– Скорее всего, – согласился Субэдэй, знавший беспощадность хана как никто другой. – Будь Чагатай глупцом, я бы с тобой согласился. И если бы внезапно можно было чего-то добиться, то да, на нее можно было бы сделать ставку. Я бы и сам попросил тебя прове-

речь слова на деле, если бы только это не пахло верной погибелью. В действительности же все обстоит так, что – прими мои слова на веру – Чагатай к такому выпадку готов. Любая группа вооруженных людей уже на подступах к его тумену наткнется на частокол из обнаженных клинков и готовых к броску воинов. Мысль об убийстве он вынашивает каждый день, поэтому и сам опасается того же.

– В нашем распоряжении людей достаточно, чтобы до него дотянуться, – заметил Хасар, хотя уже не так уверенно.

– Возможно. Если бы перед нами встали только его десять тысяч, мы бы, пожалуй, и впрямь могли до него дотянуться. Но я думаю, что это число теперь значительно возросло. В какую бы игру ни играл Угэдэй, он дал своему брату два года на нашептывания и раздачу обещаний. Без грозной тени хана мы все были вынуждены править подвластными нам землями, действуя так, словно все зависит от нашей собственной, отдельно взятой воли. И что же? Лично я поймал себя на мысли, что мне это нравится. А вы разве не ощутили то же самое? – Субэдэй оглядел своих собеседников. – Нет, – покачав головой, проницательно усмехнулся он, – нападать на Чагатая мы не будем. Держава разваливается, но теперь не на рода и племена, а на тумыны, связанные не кровью, но возглавляющими их военачальниками. И моей целью является предотвратить внутреннюю войну, а не стать искрой к ее возгоранию.

Хасар уже потерял изначальную спесь и теперь лишь недовольно кривился.

– Тогда мы опять возвращаемся к тому, как нам оберечь Угэдэя, – высказался он.

– Более того, – расширил его мысль Субэдэй, – мы возвращаемся к тому, как сберечь для него достаточно народу, которым он сможет править в качестве хана. Надеюсь, Хасар, ты не ожидаешь от меня на этот счет мгновенного ответа. Ведь можно победить и увидеть Угэдэя с девятигривым знаменем, но при этом видеть и то, как Чагатай уводит с собой половину войска и половину державы. Сколько, по-вашему, времени пройдет, прежде чем уже *два* хана со своими армиями сойдутся друг с другом на поле сражения?

– Ты все ясно изобразил, Субэдэй, – откликнулся Хачиун. – Но мы не можем просто сидеть и ждать непоправимого.

– Не можем, – кивнул Субэдэй. – Ладно. Знаю я тебя достаточно, а потому скажу. Джелме здесь нет, потому что он ведет разговор с двумя военачальниками, которые могут оказаться преданы Чагатаю. Я буду знать больше, когда обменяюсь с ним посланиями. Встретаться с ним в открытую я не могу – это, Хасар, как раз о той игре с шушуканьем, которую ты презираешь. Нельзя сделать ни одного опрометчивого шага, настолько высоки ставки.

– Может, ты и прав, – промолвил Хасар задумчиво.

Субэдэй проницательно поглядел на родича хана:

– Хасар, мне надо заручиться также твоим словом.

– Насчет чего?

– Насчет того, что ты не будешь действовать несогласованно. Да, это так: Чагатай что ни день совершает передвижения, но он никогда не отдаляется от своих воинов. Можно, как ты говоришь, попробовать разместить лучников – вдруг он и впрямь выглянет из своего укрытия, – но, если эта затея сорвется, рухнет все, что в муках созидал и о чем радел твой великий брат и за что отдали жизни столь многие из любимых тобой. В пламя ввергнется весь народ нашей империи, Хасар.

Хасар поглядел на багатура, который словно читал его мысли. И как он ни пытался сохранять хладнокровие, виноватое выражение лица разглядели все. Не успел он что-либо произнести, как Субэдэй заговорил снова:

– *Слово*, Хасар. Всем мы желаем одного и того же, но я не могу ничего рассчитать наверняка, пока у меня не будет четкой определенности в твоих действиях.

– Я даю его тебе, – мрачно потупился Хасар.

Субэдэй кивнул с таким видом, будто речь шла о чем-то второстепенном.

– Я буду держать вас всех в осведомленности. Видеться часто мы не сможем: в стане полно соглядатаев, поэтому сообщения будут посылаться с надежными нарочными. Ничего не записывайте и с сегодняшнего дня не упоминайте больше имени Чагатая. Если надо будет о нем упомянуть, зовите его Сломанным Копьем. Знайте, что сообщения так или иначе, но все равно дойдут.

Субэдэй по-молодому гибко поднялся на ноги и поблагодарил Хачиуна за гостеприимство.

– Мне пора. Надо узнать, что они там насулили Джелме за его поддержку.

Чуть склонив голову, он легкой походкой сошел со ступеней, невольно заставив Хасара с Хачиуном ощутить свой возраст.

– Благодарение Великому небу хотя бы за это, – тихо произнес Хачиун, глядя ему вслед. – Если б ханом захотел стать сам Субэдэй, нам бы пришлось совсем туго.

Глава 3

Угэдэй стоял в тени у основания пандуса, ведущего навверх, к воздуху и свету. Великий овал похожей на чашу арены был, наконец, завершен – и свежо, зазывно пах деревом, краской и лаком. Легко представить себе атлетов из народа, выходящих сюда под приветственный рев тридцатитысячной толпы. Все это Угэдэй видел своим внутренним взором и ощущал, что впервые за много дней чувствует себя вполне сносно, даже бодро. Цзиньский лекарь все уши ему прожужжал о вредности чрезмерного потребления порошка наперстянки, но Угэдэй лишь ощущал, что это самое снадобье облегчает несмолкающую тупую боль в груди. Двумя днями раньше ее пронзительный укол уронил его на колени прямо в опочивальне (хорошо, что не прилюдно). Чингизид болезненно поморщился, вспоминая тяжесть, которая сдавливала, как чугунный обруч, и не давала вздохнуть. Щепотка же темного порошка, смешанная с красным вином, приносила желанное избавление: в груди словно лопались путы. Смерть шла за ним по пятам, Угэдэй был в этом уверен, но все-таки в паре шагов позади.

С будущего, совсем уже достроенного места состязаний сейчас тысячами выходили строители, но Угэдэй даже взгляда не бросил на текущую мимо нескончаемую реку изможденных лиц. Он знал, что в угоду ему они трудились всю ночь напролет, – ну и пускай, а как же иначе. Интересно, как они воспринимали то, что их император преклонял колени перед его отцом. Если бы столь жестокому унижению оказался подвергнут Чингисхан, Угэдэй вряд ли был бы таким спокойным и до безразличия безропотным. Отец как-то сказал, что у цзиньцев нет такого понятия, как единый народ. Их правящая верхушка вела пространные рассуждения об империях, императорах и династиях, но их простые крестьяне такие немислимые высоты вряд ли прозревали. Не хватая звезд с неба, они были накрепко привязаны к своим городам, деревням и наделам, каждый в своей местности. Угэдэй кивнул сам себе. Не так уж давно таким укладом жили и племена, образовавшие ныне монгольский народ. В новую эпоху их за волосы вволок его отец, причем многие из них так и не постигли всеохватность его замысла.

Люди брели, потупив взор, в ужасе от одной мысли, что могут невзначай встретиться глазами с чингизидом. Неожиданно сердце Угэдэя отрывисто заколотилось: некоторые из тех, кто приближался, вели себя иначе. Его безотчетно потянуло выйти из тени на свет – настолько, что он был вынужден себя приструнить. В груди засаднило, но, как ни странно, без привычной вязкой истомы, которая преследовала его даже во сне. Наоборот, он чувствовал себя так, будто все чувства вдруг ожили и встрепенулись. Обострились обоняние и слух: он чувствовал запах сдобренной чесноком еды мастеровых и слышал любое перешептывание.

Казалось, мир вокруг, взбухнув, искристо лопнул, да так, что ударило в голову. К Угэдэю приближались люди, глаза которых напоминали оскаленные зубы. Секунду они таращились на него, а затем намеренно отвернулись, но это действие выдало их не меньше, чем если бы каждый из них размахивал бунчуком. Условного знака Угэдэй не видел, но зато углядел, как они исподтишка выпростали из-под одежды короткие широкие тесаки вроде тех, какими выравнивают столбы. Доселе спокойный людской поток начал вскипать по мере того, как до людей стало доходить, что происходит вблизи них. Послышались заполошные крики. Угэдэй стоял, застыв в центре растущей бури. Глазами он сцепился с одним из тех людей, который, воздев клинок, сейчас торопливо проталкивался вперед остальных.

С холодной ясностью Угэдэй следил за его приближением, плавно разведя руки в стороны, незримо стопоря продвижение толпы. Нападающий выкрикнул что-то, не слышное в тревожном многоголосом рокоте. Обнажив зубы в мстительной улыбке, чингизид наблюдал,

как под жесточайшим ударом кешиктена, возникшего словно из-под земли, отлетает вбок обмякшее безголовое тело несостоявшегося убийцы.

Мгновенно подоспевшие нукеры со злым сладострастием рубили остальных, благо те сбились в кучу в проходе. Угэдэй, так же плавно опустив руки, хладнокровно смотрел. По его приказу в живых оставили двоих, предварительно измешив им тела и лица ножами сабель. Остальных забили, как скот.

Очень скоро к чингизиду подскочил взволнованный кешиктен, перемазанный чужой кровью.

– Повелитель, вы целы? – даже не отдышавшись, спросил он.

Угэдэй отвел глаза от нукеров, испуганно секущих саблями на ломти мертвые тела тех, кто посмел поднять руку на их хозяина.

– А ты, Гуран, думал что-то иное? Да, я невредим. А ты справился со своей работой.

Гуран с поклоном хотел было отвернуться, но вместо этого, решившись, заговорил:

– Мой повелитель, подобного можно было избежать: за этими нечестивцами мы следим вот уже два дня. Я лично обыскал их жилище и вообще не спускал с них глаз все то время, что они находились в Каракоруме. Мы могли устранить их без всякого риска для вас.

Кешиктен явно пытался подыскать нужные слова, но Угэдэй – возможно, в силу благодушного настроения – избавил его от этой необходимости:

– Говори то, что хочешь сказать. Я на тебя не обижусь.

Гвардеец заметно расслабился, скованность исчезла.

– Вся моя жизнь и заботы, повелитель, направлены на то, чтобы защищать вас, – сказал он. – И в тот день, когда вас не станет, умру и я. Я себе в этом поклялся. Но я не могу вас защитить, покуда вы... влюблены в свою смерть, повелитель, и сами ее ищете.

Под взглядом Угэдэя воин осекся и смолк.

– Оставь свои страхи, Гуран. Ты служишь мне еще с той поры, когда я был мальчишкой. Я ведь и тогда, помнится, лез на рожон, как любой юнец, по легкомыслию своему думающий, что будет жить вечно.

Гуран кивнул:

– Что было, то было. Но вы не стояли вот так с разведенными руками, когда на вас мчался убийца. Это лишний раз говорит о вашей отваге, но я этого не понимаю.

Угэдэй улыбнулся, словно наставляя дитя. Как раз в такие моменты, пожалуй, речь и идет о близости к вечности. Когда стоишь вот так, а сердце сладко обмирает.

– Смерти, Гуран, я не хочу, можешь быть уверен. Но я ее и не боюсь. Совсем. В ту минуту я раскинул руки потому, что мне не было до нее дела. Ты это понимаешь?

– Нет, повелитель, – потупился гвардеец.

Угэдэй вздохнул, морща нос от запаха крови и экскрементов в сумрачном проходе.

– Воздух здесь нечист, – сказал он вслух. – Давай выйдем отсюда.

Он обогнул наваленные изувеченные тела. Многие в общей сутолоке оказались убиты по случайности. Когда все прояснится, надо будет выдать семьям этих работяг какую-нибудь мзду.

Гуран все это время бдительно шел рядом. Снаружи под ярким солнцем Угэдэй еще раз обвел взглядом достроенную чашу арены, и сердце его взыграло при виде ярусов бесчисленных скамей. Тысячи и тысячи их. После резни на входе место очистилось с ошеломительной быстротой, так что теперь в отдалении слышался беспечный щебет птиц, ласкающий слух. Нет, а все-таки скамей-то сколько! Тридцать тысяч соплеменников будут сидеть здесь и смотреть на скачки, борьбу и состязания лучников. Вот это будет праздник так праздник.

Зачесалась щека. Угэдэй потер в этом месте и, посмотрев на свой палец, увидел, что тот красный. Чья-то кровь.

– Вот здесь, Гуран, я стану ханом. И буду принимать от своего народа клятву верности.

Гуран натянуто кивнул, а Угэдэй улыбнулся своему безоглядно преданному кешиктену. Упомянуть о сердечной слабости, которая в любой момент может отнять у него жизнь, он не стал. Не сказал чингизид и о том, что каждое утро просыпается в неимоверном облегчении при мысли, что ночь пережита и взору предстал еще один рассвет; а также о том, что спать он укладывается все позднее и позднее: а ну как этот день на земле окажется для него последним? Вино и порошок наперстянки приносили облегчение, но вместе с тем каждый день, каждый вдох были сущим благословением. Так что ему ли бояться убийцы, когда смерть и без того неотступно накрывает его своей зловещей тенью? Просто забавно. Угэдэй хохотнул, и тут его снова кольнула боль. Надо, пожалуй, сыпануть щепоть порошка под язык. Задавать вопросы кешиктен все равно не осмелится.

– До новолуния остается три дня. Все это время, Гуран, ты исправно меня оберегал. Много ли покушений ты предотвратил?

– Семь, повелитель, – тихо произнес Гуран.

Угэдэй пристально на него посмотрел:

– Мне известно только о пяти, включая сегодняшнее. Откуда ты насчитал семь?

– Нынче утром, повелитель, мой человек на кухне пресек попытку подсыпать в еду яд, а еще в потасовке удалось срубить троих воинов вашего брата.

– Ты уверен, что их сюда послали именно для того, чтобы убить меня?

– Нет, повелитель, не уверен, – признался Гуран.

Одного из них он оставил в живых и часть утра с пристрастием допрашивал, не получив, правда, за свое усердие ничего, кроме воплей и ругательств.

– Какой ты пылкий, – без тени сожаления сказал Угэдэй. – А ведь мы все эти нападения предусматривали. Еду мою предварительно пробуют, слуги отбираются тщательнейшим образом. Мой город буквально ломится от лазутчиков и убийц, подосланных под видом простых каменщиков и столяров. Тем не менее Каракорум я открыл, и люди сюда все прибывают. Уже три цзиньских вельможи гостят в моем дворце, да еще два христианских монаха. Странные они: дали обет нищенства и живут в конюшнях, спят на соломе... Принятие клятвы, похоже, выдастся интересным и запомнится всем. – На угрюмо-обеспокоенный взгляд кешиктена чингизид отреагировал вздохом. – Если все, что мы на данный момент предприняли, окажется недостаточным, что ж, возможно, выжить мне просто *не суждено*. Великое небо любит удивлять, Гуран. И не исключено, что, несмотря на все твои старания, меня у тебя все-таки отнимут. А?

– Пока я жив, повелитель, этого не случится. И я назову вас ханом *во что бы то ни стало*.

Сказано это было с такой убежденностью, что Угэдэй улыбнулся и хлопнул воина по плечу:

– Ну, тогда давай, провожай меня обратно во дворец. Развлеклись, и будет. Пора возвращаться к обязанностям. А то Субэдэй-багатур меня, наверное, уже заждался.

* * *

Доспехи Субэдэй оставил в выделенных для него дворцовых покоях. Каждому воину в племенах известно, что к неприятелю Чингисхан подступал без оружия, а как-то раз ребром пластины доспеха рассек своему врагу горло. Помимо штанов и войлочных туфель-чаруков, на Субэдэе сейчас был долгополый халат-дэли – лучшего шитья, чистый и новый, – который ждал его в опочивальне. Какая все-таки здесь всюду роскошь – тяжелая, никчемная. Угэдэй без зазрения совести заимствовал и смешивал стили всех известных культур, прежде всего – покоренных народов. Видеть это Субэдэю было неловко, хотя если бы его спросили, в чем именно дело, описать странное чувство словами он бы не смог. Однако еще хуже – суэта и

многочисленность в лабиринте коридоров, а также сонмы слуг, летящих по поручениям и занятых работой, старому воину совершенно непонятной. Он и не знал, что в клятве верности будет участвовать столько народу. На каждом углу и у каждой двери бдели стражи. Вообще смешение людей и лиц такое, что в глазах рябит, а голова идет кругом. Словом, Субэдэй чувствовал себя не в своей тарелке. Он привык к открытым пространствам, а не к муравейникам.

День перевалил уже за половину, когда Субэдэй схватил за рукав семяющего мимо слугу, ойкнувшего от неожиданности. Как сообщил слуга, Угэдэй чем-то занят в городе, но о том, что его ждет Субэдэй, знает. Значит, уйти, нанеся этим обиду, нельзя, и багатур обосновался в зале аудиенций. Но по мере того как текли минуты и часы, он все больше терпел.

Зал был пуст, но стоящий у окна Субэдэй ощущал на себе пристальные взгляды. Сверху он озирает новый город, за которым на равнине расположились тумены. На краю неба, исполосованного красными рубцами вечерней зари, садилось солнце, прощальным светом освещая поля и улицы. Что и говорить, место под город Угэдэй выбрал удачно: с юга горы, рядом широко и привольно течет река. Субэдэй успел уже проскакать вдоль участка канала, построенного с расчетом завести воду в город. Деяние по размаху под стать богам – это если не знать, что для его осуществления без малого два года использовался неустанный труд почти миллиона человек. При наличии соответствующего количества золота и серебра все становится возможным. Интересно, успеет ли Угэдэй насладиться всем этим при жизни? Лучше уж да, чем нет.

Субэдэй утратил ощущение времени и опомнился лишь, когда слышал приближение голосов. Под его цепким взглядом в зал вошли кешиктены Угэдэя и рассредоточились по местам. На багатура они опасливо косились: он тут был единственным посетителем, а следовательно, возможной угрозой – при всех своих заслугах. Угэдэй зашел последним. Его лицо стало гораздо бледнее и одутловатее со времени их прошлой встречи. А при виде этих желтых глаз с узкими зрачками сразу же вспоминался Чингисхан. И чингизиду Субэдэй поклонился так же низко, как его великому отцу.

Угэдэй ответил поклоном на поклон, после чего сел на деревянную скамью под окном. Отполированное позолоченное дерево было приятно на ощупь. Озирая Каракорум, чингизид нежно водил ладонями по ореховой глади. В ту минуту, когда багряный солнечный диск окрасил напоследок охристым светом своды зала, Угэдэй прикрыл глаза.

Субэдэя он, честно сказать, недолго любил, хоть и крайне нуждался в этом человеке. Что уж тут скрывать: откажись багатур повиноваться самому жестокому приказанию Чингисхана, старший брат Угэдэя Джучи давно бы уже был ханом. Останови Субэдэй занесенную руку отца, послушайся его всего лишь раз, и не было бы сейчас трагической распри между двумя братьями-чингизидами – раздора, угрожающего погубить их всех.

– Спасибо, что дождался, – сказал наконец Угэдэй. – Надеюсь, мои слуги исправно тебе угождали?

Услышав такой вопрос, Субэдэй нахмурился. Он ожидал принятого в юртах обычая гостеприимства, но традициями во дворце, похоже, и не пахло. Да и до них ли сейчас: землистое лицо Угэдэя выглядело откровенно изнуренным.

– Разумеется, повелитель. Потребности мои весьма скромны. – Он приумолк, слышав за дверями шаги.

Угэдэй между тем поднялся навстречу новым вошедшим в зал кешиктенам, за которыми следовали Тулуй и его жена Сорхахтани.

– Милости прошу ко мне в дом, брат, – чуть растерянно приветствовал Угэдэй. – Признаться, не ожидал увидеть с тобой твою красавицу жену. – Он церемонно повернулся к Сорхахтани: – Здоровы ли ваши дети?

– Здоровы, мой повелитель. Я привела только Менгу с Хубилаем. Не сомневаюсь, что они как раз сейчас досаждают твоим нукерам.

Угэдэй изящно нахмурился. Перебраться Тулуя во дворец он попросил ради его же безопасности. Известно по меньшей мере о двух заговорах против младшего брата, но рассказать ему об этом Угэдэй рассчитывал наедине. Он поглядел на Тулуя, и тот сразу опустил глаза. Да, Сорхахтани явно из тех женщин, которым не откажешь.

– А что остальные ваши сыновья? – спросил Угэдэй брата. – Они разве не с вами?

– Я усрал их к двоюродному брату. Он сейчас откочевал на запад, будет несколько месяцев заниматься рыбалкой. Так что принятие клятвы они пропустят, но потом по возвращении принесут ее как подобает.

– Вон оно что. – Угэдэй сразу же все понял. Что бы ни произошло, хотя бы пара его племянников уцелеет. Возможно, это Сорхахтани надоумила мужа, как обойти приказ прибыть во дворец всей семьей. Что ж, может статься, такая предусмотрительность вполне уместна в столь смутные времена.

– У меня нет сомнений, брат, что наш славный Субэдэй-багатур прибыл с целым ворохом новостей и строгих предостережений, – слегка разрядил обстановку Угэдэй. – Ты, Сорхахтани, можешь возвращаться в отведенные вам покои. Спасибо, что нашла минутку почтить меня своим посещением.

От такого отсыла уклониться было нельзя, и гостя чопорно откланялась. Между тем от Угэдэя не укрылось, с какой суровостью она зыркнула на мужа. Створки дверей снова качнулись, и чингизиды с багатуром остались втроем, с безмолвно застывшими у стен восьмерыми кешиктенами.

Угэдэй жестом пригласил гостей к столу. Те расселись, настороженно притихнув. Теряя от всего этого терпение, Угэдэй со стуком сдвинул три чары и, разом наполнив их, пододвинул к собеседникам. Все трое одновременно потянулись за ними, понимая, что нерешительность подразумевает недоверие: а вдруг вино отравлено. Времени на промедление Угэдэй им не дал: подняв свою чару, осушил ее в три быстрых глотка.

– Вам двоим я доверяю, – заговорил он без паузы, отерев губы рукавом. – Тулуй, недавно я предотвратил покушение на тебя или на твоих сыновей. – Тот напряженно прищурился, весь обратившись в слух. – Мои лазутчики внимательно за всем следят, но я пока не знаю, кто именно за этим стоял, да сейчас уж и недосуг. С теми, кто замышляет против меня, я могу совладать сам, но тебя я вынужден просить оставаться пока во дворце. Иначе защитить тебя я не смогу, во всяком случае, пока не стал ханом.

– Неужели все *настолько* плохо? – в горьком недоумении спросил брат. Он знал, что в стане беспокойно, но открытое нападение – это совсем иное... Жалко, что всего этого не слышит сейчас Сорхахтани. Надо будет потом слово в слово ей все повторить.

Угэдэй повернулся к Субэдэю. Военачальник сидел не в доспехах, но при этом источал непререкаемую властность. Сложно даже представить, что все дело здесь – в заслуженной репутации. Всякий, кто знает, чего и как он добился в жизни, поневоле смотрит на него с боязливым благоговением. Своими победами войско обязано багатуру в не меньшей степени, чем самому Чингисхану. Тем не менее Угэдэю сложно было глядеть на Субэдэя без затаенной ненависти. Вот уже два года чингизид прятал в себе это чувство: в старом военачальнике он все еще нуждался.

– Субэдэй, ты тоже мне верен, – сказал он вкрадчиво. – Ну если не мне, так, по крайней мере, воле моего отца. С твоей легкой руки сведения об этом самом «Сломанном Копье» я получаю каждый день.

Угэдэй замешкался, пытаясь соблюсти спокойствие. Будь его воля, он бы не раздумывая оставил багатура где-нибудь за стенами Каракорума, среди равнин. Но игнорировать бесценные способности стратега, которого выше всех ценил сам отец, было бы откровенной

и непростительной глупостью. Кстати сказать, Субэдэй ни разу не подтвердил, что тайные гонцы являются во дворец именно от него, хотя как пить дать так оно и есть.

– Я человек служивый, повелитель, – произнес Субэдэй. – И давал клятву верности хану, которая распространяется также на его наследника. В этом я непоколебим.

В голове чингизида белой искрой полыхнул гнев. Этот человек, разглагольствующий здесь о верности, перерезал Джучи глотку. Унимая себя, Угэдэй сделал глубокий вдох. И все-таки избавляться от Субэдэя – недопустимая потеря. Слишком ценен. Надо научиться им управлять, выбивая из-под него опору, лишая равновесия.

– Интересно, а мой брат Джучи слышал твои обещания? – спросил он и со злорадным удовлетворением отметил, что краска сошла у багатура с лица.

Субэдэю помнилась каждая минута, каждая деталь их встречи с Джучи в северных снегах. Сын Чингисхана тогда выменял собственную жизнь на жизни своих людей и их семей. Джучи знал, что его ждет смерть, но рассчитывал на возможность поговорить с отцом. Субэдэй же тогда не стал вдаваться в тонкости и выяснять, кто прав, кто виноват. Но и в ту пору, и сейчас все это ощущалось как предательство. Он отрывисто кивнул:

– Я убил его, повелитель. Это было неправильно, и теперь я с этим живу.

– Получается, ты нарушил слово, Субэдэй? – нажал Угэдэй, подаваясь через стол.

Его чара с металлическим стуком упала, и багатур, потянувшись, поставил ее. Вины с себя он не снимал ни в коей мере: просто не мог.

– Я это сделал, – еще раз повторил Субэдэй, полыхая взглядом, полным не то гнева, не то стыда.

– Ну так искупи свою вину, защити свою честь! – рявкнул Угэдэй, грохнув по столешнице обоими кулаками.

Теперь опрокинулись уже все три чары. Кровавой стружкой потекло вино. Стражники повыхватывали сабли, а Субэдэй рывком вскочил, ожидая, что на него сейчас набросятся. Его взгляд упал на Угэдэя, который по-прежнему сидел. И тогда багатур пал на колени так же внезапно, как встал.

Угэдэй не знал, насколько глубоко беспокоила Субэдэя гибель брата. Багатур вместе с отцом держали все это между собой. Для Угэдэя это было сродни откровению, и требовалось время, чтобы все обдумать. Он заговорил по наитию, используя багатуровы пути для того, чтобы еще сильнее ими его скрутить.

– Будь верен своему слову, багатур. Оберегай жизнь другого чингизида вплоть до того дня, когда он станет ханом. Дух брата моего загоревал бы, увидев свою семью растерзанной и покинутой. Дух моего отца не захотел бы этого. Исполни свой долг, Субэдэй, и обрети мир. Что будет дальше, мне все равно, но клятву верности ты мне дашь одним из первых. Тебе как раз по чину.

В груди у Угэдэя саднило, холодный липкий пот смачивал подмышки и орошал лоб. Все его существо охватила странная изнурительная слабость. Сердце билось все медленней, пока в голове не поплыло. Он уже несколько недель кряду толком не спал, а неизбывный страх смерти день за днем превращал Угэдэя в тень, пока от него не осталась одна лишь воля. Его приступы внезапного гнева шокировали окружающих, но он порой просто не мог собой управлять. Жизнь под нестерпимым бременем тянулась уже так долго, что сохранять спокойствие было подчас не в состоянии. Ханом он непременно *будет*, пусть даже всего на один день. Когда Угэдэй заговорил, язык у него заплетался, как у пьяного. И Субэдэй, и Тулуй смотрели на хозяина дома с беспокойством.

– Оставайтесь нынче здесь, оба, – распорядился Угэдэй. – Безопасней места нет ни на равнинах, ни в городе.

Уже размещенный в покоях Тулуй поспешно кивнул. Субэдэй пребывал в неуверенности, не понимая толком, чем именно руководствуется в своем указании чингизид. В Угэдэе

угадывалась скрытая тоска, скорее всего, вызванная сонмом мечущихся в его голове неприкаянных мыслей. Между тем военачальнику место на равнине, где от него куда больше проку. Ибо истинная угроза, если что, будет исходить как раз оттуда, от тумена Чагатая. Тем не менее багатур склонил голову перед человеком, которому завтра на закате уготовано стать ханом.

Угэдэй потерял глаза, от чего в голове слегка прояснилось. Он не мог сказать собеседникам, что после себя ханом видит Чагатая. Лишь духам ведомо, сколько ему, Угэдэю, осталось, – но он построил этот город. Оставил на равнинах отметину, и быть ему за это ханом.

* * *

Проснулся Угэдэй в темноте. В душевной ночи тело было мокро от пота. Повернувшись на ложе, он почувствовал, как рядом шевельнулась жена. Уже снова опуская налитые сном веки, Угэдэй расслышал в отдалении частый стук бегущих шагов. Он тотчас вскинулся и какое-то время, подняв голову, прислушивался, пока не занемела шея. Кто это там бежит в такой час – кто-нибудь из слуг? Он снова закрыл глаза, и тут во внешнюю дверь покоев негромко постучали. Угэдэй тихо ругнулся и потряс за плечо жену:

– Дорегене! Ну-ка одевайся, что-то случилось.

С недавних пор у его покоев спиной к внешней двери стал спать Гуран. Уж он-то беспокоить своего хозяина без веской причины, да еще среди ночи, не стал бы ни за что.

Стук послышался снова, и Угэдэй резким движением подпоясал свой дэли. Жену оставил за закрытыми дверями, а сам поспешил во внешнюю комнату, шлепая босиком мимо цзиньских столиков и резных кушеток. Луны над городом не было, в комнатах стояли потемки. Легко представить себе, как по углам прячутся наемные убийцы. На всякий случай Угэдэй снял со стены один из мечей. В душевной напряженной тишине он вынул оружие из ножен и прислушался к тому, что происходит за дверями.

Где-то вдалеке послышался приглушенный вопль. Угэдэй отпрянул.

– Гуран? – позвал он.

К своему облегчению, из-за тяжелых дубовых створок донесся голос кешиктена:

– Ничего, мой повелитель. Можно открывать.

Угэдэй отодвинул массивный засов и поднял железную поперечину, удерживающую дверные створки вместе. В своем взвинченном состоянии он не заметил, что сквозь дверные щели из коридора совершенно не пробивается свет. Здесь было еще темнее, чем в покоях, где через окна хотя бы струилось тусклое свечение звезд.

Гуран вошел быстрым шагом и, миновав Угэдэя, взялся проверять комнаты. Следом за ним неожиданно зашел Тулуй, а затем – еще и Сорхатани с сыновьями, запахнутыми в легкие халаты поверх ночной одежды.

– Что здесь происходит? – прошипел Угэдэй, под маской гнева скрывая растущую панику.

– От наших дверей ушли стражники, – мрачно сообщил Тулуй. – Вот так взяли и ушли. Хорошо, что я услышал, а иначе и не знаю, что стряслось бы.

Угэдэй крепче схватился за обнадеживающе тяжелый меч. В эту секунду из опочивальни выплыл кружок света, и в дверном проеме очертился силуэт жены со светильником.

– Оставайся там, Дорегене, – приказал Угэдэй. – Я сам во всем разберусь.

К его вящему раздражению, супруга все равно вышла, кутаясь в халат.

– Я дошел до ближайшей караульной, – продолжал Тулуй. Умолкнув, он обернулся на своих сыновей, взволнованно застывших с полуоткрытыми ртами. – Так вот, брат, там все были мертвы.

Гуран с гримасой глянул в оба конца непроницаемо темного коридора.

– Очень сожалею, мой повелитель, но придется нам тут запереться. Это самая крепкая дверь во всем дворце. Здесь вам в такую ночь будет безопаснее.

Угэдэй разрывался между выплеском гнева и необходимостью проявлять осторожность. В этом громадном здании он знал каждый камень. Лично наблюдал, как их вытесывают, придают им форму, шлифуют и укладывают на нужное место. Но сейчас, когда дверь закроется, размеры его чертога, а вместе с тем уровень силы и влияния сожмутся до нескольких комнат.

– Удерживай ее открытой так долго, как только сможешь, – сказал Угэдэй. Безусловно, его кешиктены уже спешат на помощь, разве не так? Как может столь дерзкая выходка остаться незамеченной? Как она вообще могла произойти?

Где-то в недрах дворца слышался быстрый тяжелый топот; эхо вторило ему со всех направлений. Гуран придвинулся плечом к двери. Внезапно из мрака вынырнула черная фигура, по которой Гуран спешно ударил саблей, но лезвие соскользнуло по пластинчатому доспеху.

– Перестань, Гуран, – сказал невозмутимый голос.

– Субэдэй! – облегченно выдохнул Угэдэй. – Что там такое происходит?

Багатур не ответил. Вместо этого он положил на каменный пол саблю и помог Гурану с дверью, после чего снова взял оружие.

– Коридоры полны людей, – сказал он. – Обшаривают каждую комнату. Выручает то, что они не знакомы с расположением покоев, а иначе бы уже были здесь.

– Ты-то как сюда пробрался? – поинтересовался Гуран.

Субэдэй нахмурился, припоминая.

– Некоторые из них меня узнали, но, похоже, приказа рубить меня еще не поступало. К тому же простые нукеры по-прежнему изъявляют ко мне почтение. Впрочем, посвященные наверняка знают, что я – часть большой игры.

Оглядев группку, сбежавшую к нему в покои, Угэдэй поник.

– А где мой сын Гунок? – осведомился он. – Мои дочери?

– Их я не видел, повелитель, – покачал головой Субэдэй, – но, по всей видимости, они в безопасности. Нынче цель заговорщиков – это вы, а не кто-либо другой.

Услышав эти слова, Тулуй поморщился.

– Выходит, я привел тебя и наших сыновей в опаснейшее из мест, – проговорил он, оборачиваясь к жене.

Сорхахтани, потянувшись, коснулась его щеки.

– Ничего, нынче везде несладко, – тихо сказала она.

Коридоры уже заполнились людьми, топот спешащих ног становился все ближе. А снаружи, за стенами города, спокойно спали тумены, не подозревая об угрозе.

Глава 4

Хачиун вел свою лошадь по измятой, вытопанной копытами траве стана, прислушиваясь к невнятным отзвукам разноплеменной речи. Несмотря на вроде бы спокойную ночную пору, путь он держал не один. Вместе с ним перемещались три десятка отборных кешиктепов, готовых в случае чего дать беспощадный бой. Никто теперь не разъезжал по станам в одиночку: ведь до новолуния рукой подать. Светильники и факелы, треща бараньим жиром, металы тревожные отсветы буквально на каждом пересечении тропок, и за проездом Хачиуна сейчас пристально следили темные группы воинов.

Просто удивительно, как возрос за эти дни в воинских станах общий дух подозрительности, став почти осязаемым. На пути к хошлону брата Хачиуна уже трижды останавливали для объяснений. Наконец впереди показался знакомый шатер. На входе два светильника бросали дрожащие, многократно изломанные клинья рыжеватого света, колеблемые ночным ветерком. Когда подъезжали, Хачиун кожей почувствовал наведенные на него из темноты луки с натянутой тетивой (надо же, и здесь, возле самого порога брата, приходится остерегаться засады). Через какое-то время, далеко не сразу, на дощатый настил, позевывая, вышел Хасар.

– Поговорить надо, брат, – сказал Хачиун.

– Прямо сейчас, среди ночи? – потягиваясь, простонал Хасар.

– Да, *именно* сейчас, – сердито подчеркнул Хачиун.

Говорить что-либо еще при таком количестве ушей он не намеревался. Хасар тут же уловил настроение брата и уже без пререканий кивнул. Стоило ему тихонько свистнуть, как из темноты на условный сигнал тут же появились воины в полном боевом снаряжении, придерживая на ходу ножны сабель. Хачиуна они проигнорировали и подошли к своему хозяину, молча обступив его кольцом, готовые внимать приказам. Хасар приглушенно что-то им говорил.

Хачиун терпеливо дождался. Затем воины, склонив головы, разошлись. Вскоре один из них подвел Хасару коня – норовистого вороного жеребца, который во время седлания недовольно взбрыкивал и всхрапывал.

– Возьми с собой своих, – посоветовал Хачиун.

Прищурившись, Хасар в неверном свете огней разглядел на лице брата обеспокоенность. Пожав плечами, он махнул рукой ближним нукерам. Из темноты тут же высыпали с четыре десятка воинов, сон которых давно уже был прерван прибытием вооруженных людей, остановившихся вблизи хозяина. Похоже, даже Хасар предпочитал не рисковать в эти ночи тревожного ожидания полнолуния.

До рассвета было еще далеко, но при общем беспокойствии в стане продвижение такого количества всадников перебудило решительно всех. Отовсюду слышались голоса, где-то зашелся плачем ребенок. Хачиун с мрачным видом ехал возле брата – оба в молчании направлялись к Каракоруму.

В эту ночь ворота освещались тусклым золотом факелов. В темноте мутно серели стены. Вместе с тем западные ворота – дубовые, окованные железом, – свет озарял ярко, и были они явно заперты. Хасар, подавшись в седле, напряженно вгляделся.

– Прежде я их закрытыми не видел, – бросил он через плечо.

В безотчетном порыве он дал жеребцу пятками по бокам и убыстрил ход. Остальные воины примкнули к нему так слаженно, будто действие происходило на тренировочном круге. Шум стана, переключка голосов – все утонуло в глухом стуке копыт, всхрапывании коней, позвякивании металла и доспехов. Впереди постепенно возрастали западные ворота

Каракорума. Теперь там можно было видеть ряды вооруженных людей: они стояли к конникам лицом, словно вызывая их на бой.

– Вот потому я тебя и разбудил, – сказал Хачиун.

Оба, и Хасар и Хачиун, доводились великому хану братьями, а чингизидам – дядьями. Сами они были именитыми военачальниками, известными в народе и уж тем более в войске. При их приближении к воротам подернутые сумраком ряды людей ощутимо всколыхнулись. Конные кешиктены, бдительно обступив своих хозяев, положили руки на рукояти сабель. Фланги по команде готовы были выпустить стрелы. Хачиун с Хасаром, переглянувшись, неторопливо спешили.

Они стояли на пыльной земле, долыса вытертой идущим через ворота гужевым потоком. На себе они, как железо, чувствовали глаза тех, что выстроились впереди. У этих людей не было ни знаков отличия, ни стягов и бунчуков. Все равно что разношерстное воинство прежних времен, когда Хачиун с Хасаром были еще молоды, – сборище без роду, без племени.

– Вы все меня знаете! – внезапно рявкнул Хасар поверх их голов. – Кто смеет стоять у меня на пути?

От звука этого голоса, что, бывало, властно раскатывался над полями сражений, люди нервно дернулись, но не отозвались и не потеснились.

– Что-то я не вижу у вас ни знаков туменов, ни бунчуков с указанием рода и звания. Или вы просто бродяги, безродные псы без хозяев? – Сделав паузу, воин окинул ряды гневным взором. – Ну а я, коли вы меня еще не узнали, темник Хасар из рода Кият-Борджигинов – тех самых Волков, что при великом хане создали из разрозненных племен могучую империю монголов. Что застыли сусликами? Смотрите, нынче вы мне за все ответите!

В зыбком свете светильников кое-кто из людей нервно переминался с ноги на ногу, но в целом строй не нарушился. Закрыть ворота могли послать от силы сотни три. Несомненно, то же самое происходило сейчас и у остальных четырех стен Каракорума. Хищно ощерившиеся за спиной Хасара кешиктены в явном меньшинстве, но вместе с тем это лучшие рубаки и лучники, каких только можно себе пожелать. По одному лишь слову любого из братьев они готовы ринуться в бой.

Хасар еще раз поглядел на Хачиуна. Он еле сдерживал гнев, взирая на это тупое и вместе с тем дерзкое противостояние со стороны неизвестного воинства. Рука его взялась за рукоять сабли, подавая безошибочный знак. Как раз в тот момент, когда воины с обоих флангов уже напряглись, готовясь бросить коней на врага, Хачиун перехватил взгляд брата и едва заметно повел головой из стороны в сторону. Хасар нахмурился, оскалившись и тем самым выказывая лютую досаду. Наклонившись к самому ближайшему из стоящих перед воротами, он жарко дохнул ему прямо в лицо:

– Говорю вам – вы бродяги без роду без племени, с песьей кровью. Стойте здесь и не расходитесь, пока я отъеду. В город я войду по вашим трупам.

От начальственного рыка горе-вояку прошиб пот, он лишь отрывисто моргнул.

Хасар вскочил на лошадь. В сопровождении кешиктенов братья помчались прочь от утлого озерца света и от верной гибели. Когда отъехали на достаточное расстояние, Хачиун подкакал на своей кобылице ближе и хлопнул брата по плечу:

– Это наверняка Сломанное Копье. Угэдэй в городе, и кому-то ужасно не хочется, чтобы мы нынче ночью подоспели к нему на помощь.

Хасар кивнул. Сердце его все еще ухало молотом. Такого открытого, такого вызывающего неповиновения со стороны воинов и соплеменников он не встречал уже давно. Его сотрясал гнев, лицо рдело.

– Ничего, мои десять тысяч спросят с них за все сполна, – зловеще проговорил он. – Где Субэдэй?

– С той поры как он сегодня отправился к Угэдэю, я его не видел, – ответил Хачиун.

– Пошли скороходов в его тумен и еще к Джэбэ. С ними ли, без них – я собираюсь в этот город, Хачиун.

Расставшись на этом, братья и их кешиктены поскакали разными тропами, которые должны будут привести к воротам Каракорума сорок тысяч человек.

* * *

На какое-то время шум по ту сторону двери почти сошел на нет. Тихо обменявшись жестами, Субэдэй с Тулуем подняли тяжелую кушетку, крикнув от недюжинного веса. Чтобы поставить ее поперек входа, понадобилось совместное усилие.

– Сюда есть еще какие-либо пути проникновения? – задал вопрос багатур.

Угэдэй покачал головой, а затем задумался.

– Вообще-то в моей опочивальне есть окна, но они выходят на сплошную стену.

Субэдэй вполголоса ругнулся. Первое правило: верно выбери поле сражения. Второе: знай его в подробностях. И того, и другого он сейчас лишен. Багатур оглядел своих смутно различимых спутников, оценил их настрой. Менгу с Хубилаем – всего лишь мальчишки с яркими от возбуждения глазами, взбудораженные неожиданным приключением. Ни тот, ни другой даже не осознают опасности, которая им угрожает. Сорхахтани смотрит твердо. Под пристальным взглядом женщины багатур вынул из-за голенища длинный нож и подал ей.

– Этой ночью стена их не остановит, – приныкая ухом к двери, сказал он Угэдэю.

Все затихли, давая ему вслушаться. И тут от мощного, с треском, удара в дверь Субэдэй невольно отскочил. С потолка струйкой посыпалась штукатурка, при виде которой Угэдэй недовольно покачал головой.

– Коридор снаружи узкий, – пробормотал он как будто самому себе. – Таранить с разбега у них не получится – нет места.

– Хорошо, что хоть так. А оружие здесь есть? – осведомился Субэдэй.

Угэдэй кивнул: все-таки он сын своего отца.

– Я покажу, – поманил он рукой.

Обернувшись к Гурану, Субэдэй увидел, что тот с саблей наготове стоит у двери. Еще один мощный удар, а за ним всплеск сердитых голосов снаружи.

– Зажгите светильник, – распорядился багатур. – Темнота нам уже не в помощь.

Этим занялась Сорхахтани, а Субэдэй вслед за Угэдэем прошел во внутренний покой, где степенно поклонился Дорегене, жене чингизида. Вид у нее был уже не заспанный, она даже успела пригладить волосы водой из чаши, что обычно проделывала утром. Отрадно было заметить, что ни она, ни Сорхахтани не поддаются панике.

– Сюда, – указал идущий впереди Угэдэй.

Субэдэй вошел в опочивальню и одобрительно кивнул. Тут по-прежнему горела небольшая масляная лампа, в свете которой со стены над ложем мягко поблескивал меч Чингисхана с рукоятью в виде волчьей головы. На противоположной стене красовался роговыми накладками мощный составной лук из полированных сортов древесины.

– А стрелы к нему есть? – спросил Субэдэй, чувствуя, что непроизвольно улыбается. Он бережно снял оружие с крючков и, пробуя, тенькнул тетивой.

При виде явного довольства военачальника Угэдэй тоже не смог сдержать улыбки.

– А ты думал, багатур, он здесь просто для красоты? – сказал он в ответ. – Конечно, стрелы есть.

Из сундука был извлечен саадак – колчан на тридцать стрел, червлёных, изготовленных главным оружейником. Они все еще поблескивали маслом. Колчан чингизид перебросил Субэдэю.

Снаружи в дверь с треском продолжали ломиться. Осаждающие притащили с собой для работы молоты, и теперь даже пол дрожал от тяжелых ударов. Субэдэй прошел к окнам, расположенным высоко в наружной стене. Как и окна внешнего покоя, они были забраны железными решетками. Субэдэй машинально прикинул, как бы действовал он сам, если бы сейчас ломился внутрь. Решетки на вид хотя и крепкие, но на серьезный штурм все равно не рассчитаны. Изначально представлялось немыслимым, чтобы враги сумели приблизиться сюда вплотную, а даже если бы исхитрились, у них не осталось бы времени высадить решетки прежде, чем стража Угэдэя порубала бы их самих в куски.

– Пригасите на минуту светильник, – сказал Субэдэй. – Не хочу, чтобы меня снаружи разглядел лучник.

К окну он подтащил деревянный сундук. Взобравшись на него, на мгновение высунул в зарешеченное пространство голову и тут же ее убрал.

– Снаружи никого, повелитель, но сама стена во внутренний двор едва составит два человеческих роста. Так что они сюда нагрянут, стоит им это уяснить.

– Но сначала они попытаются осилить дверь, – мрачно заметил Угэдэй.

Субэдэй кивнул.

– Наверное, имеет смысл, чтобы ваша жена покараулила у этого окна: вдруг здесь начнется какое-то движение.

Субэдэй говорил как можно обходительней, понимая, кто здесь главный, но нетерпение в нем сквозило с каждым новым ударом снаружи.

– Хорошо, багатур.

Угэдэй разрывался между страхом и гневом – двумя чувствами, взбухающими в нем одинаково сильно. Не для того он строил этот город, чтобы сейчас, когда все уже, считай, готово, вдруг с резким воплем оказаться вырванным из этой жизни. Он так долго ютился бок о бок со смертью, что неожиданно с изумлением понял, как ему на самом деле хочется, жаждется жить и мстить. Спрашивать Субэдэя, удастся ли им удержать покои, чингизид не осмеливался, боясь увидеть ответ у багатура в глазах.

– Тебе не кажется странным присутствовать при гибели еще одного из сыновей Чингисхана? – с некоторой язвительностью спросил он.

Субэдэй, напрягшись, обернулся. В его темном взоре не было ни следа слабости.

– Повелитель, я несу на себе множество грехов, – вымолвил он. – Но сейчас не время говорить о старых. Если мы уцелеем, вы сможете спрашивать все, что вам будет угодно.

Угэдэй, чувствуя в себе растущую волну горечи, хотел что-то сказать, но в это мгновение грянул новый звук, от которого оба – и чингизид, и багатур – отскочили назад и побежали. Не выдержал железный шарнир; дерево внешней двери расщепилось, и створка частично провалилась внутрь. В темный коридор упал клин неяркого света из комнаты, осветив оскаленные потные лица в открывшейся брешу. В проеме Гуран не мешкая рубанул саблей, свалив как минимум одного, с воплем упавшего назад.

Звезды частично сместились на ночном небе, когда Хасар поднял свой тумен. Он скакал впереди в полном боевом снаряжении, держа внизу у правого бедра обнаженную саблю. Сзади в построении двигалось десять групп по тысяче воинов, каждая со своим тысячником во главе. Тысячи, в свою очередь, делились на сотни; каждый сотник имел при себе серебряную пайцзу¹⁵. Сотни тоже делились – на десять десятков, с оснасткой, позволяющей им собрать юрту, а также с запасом провизии и инструментов, позволяющих выживать среди степей и успешно сражаться. Эту стройную систему создали Чингисхан с Субэдэем, а Хасар лишь воспользовался плодами их трудов, всего-навсего отдав приказ своему распорядителю.

¹⁵ Пайцза – верительная бирка, металлическая или деревянная пластина с надписью, выдававшаяся, в частности, монгольскими правителями разным лицам как символ делегирования власти, наделения особыми полномочиями.

Тумен из десяти тысяч произвел построение на равнине. Вначале люди, разбежавшись за своими лошадьми, хаотично закопошились, подобно мурашам, но уже вскоре на просторе равнины образовались стройные ряды и построение обрело вид единого целого. Тумен был готов к выходу. Впереди лежал Каракорум.

Верховые Хасара оповестили о выдвигании все тумены, стоящие вокруг походными лагерями. Сна теперь лишился, по сути, весь народ. Все от мала до велика знали, что настала та самая роковая ночь, сама мысль о которой пронизывала страхом.

В составе тумена на верблюдах ехали невооруженные мальчишки-барабанщики, в задачу которых входило единственно отбивать на котловидных барабанах, именуемых «нагара», стойкий ритм с целью нагонять на врага страх. Где-то спереди и слева барабанный бой подхватывали другие тумены – одни как полученное предупреждение, другие как вызов. Высматривая впереди людей Хачиуна, Хасар сглотнул пересохшим горлом. Ощущение было такое, что бразды правления непостижимо выскользывают из рук, но поделаться уже ничего нельзя. Стезя его определилась, когда те собаки у ворот осмелились воспротивиться ему, одному из верховных военачальников. Он знал, что это люди Чагатая, но заносчивый ханский родич послал их в ночи на нечистое дело без своих опознавательных знаков, подобно сброду наемных убийц. Такого Хасар спустить не мог, иначе это могло стать первым шагом к падению авторитета перед всеми сверху донизу, вплоть до самого мелкого чина в иерархии тумена – мальчишки-барабанщика на спине горбатого зверя. Мысль о том, что его племянник Угэдэй заперт сейчас в собственном городе, жгла несносно. Оставалось лишь срочно принять меры и рваться на помощь в надежде, что там еще будет кого спасать.

К Хасару примкнул Хачиун с туменом Джэбэ и десятью тысячами Субэдэя. Завидев плывущие впереди, среди нескончаемого потока лошадей, дружественные бунчуки и стяги, Хасар вздохнул с облегчением. Воины Субэдэя знали, что их предводитель находится в городе, и право Хачиуна распоряжаться от его имени не подвергли сомнению.

Словно медленно опадающая лавина, стекались четыре тумена к западным вратам Каракорума. Хасар с Хачиуном поскакали вперед, пряча свое нетерпение. Необходимости в кровопролитии нет даже сейчас.

Заслон у ворот, держа оружие наготове, стоял по-прежнему недвижимо. Каковы бы ни были выданные указания, эти люди понимали, что обнажить клинок – значит, навлечь на себя неминуемую смерть. Начинать первым не хотел никто.

Немая сцена все длилась, нарушаемая разве что коротким ржанием лошадей да трепетом знамен. И тут из темноты вынырнула новая группа конных, освещенная мятущимися факелами, которые держали на отлете знаменосцы. До всех мгновенно дошло, что это прибыл Чагатай.

Хачиун мог приказать Хасару загородить чингизиду дорогу, а свои тумены завести в город – если надо, то и пробив чагатаев заслон. Принятие решения нависло бременем. Под неистовое биение сердца капля за каплей истекало время. Вообще человек он решительный, но когда дело пахнет внутренней войной... Это же не пустыня Хорезма или стены цзиньского города. В итоге момент пришел и ушел, а Хачиун все за него хватался. И получилось так, что он потом, когда уже стало поздно, чуть не поплатился за это жизнью.

В квадрате своих кешиктенов Чагатай скакал, как хан. Несущиеся во весь опор лошади расшвыряли людей из заслона, но он на них даже не обернулся. Его взор неподвижно вперился в двух пожилых военачальников, братьев его отца – единственных, чье слово и действие в стане этой ночью что-то решало. Со своей лошадью Чагатай смотрелся единым целым – и конь, и наездник были в доспехах. Сходства им придавали и клубы пара, исходящие в прохладном воздухе и от человека, и от животного. На Чагатае был железный шлем с плюмажем из конского волоса, который колыхался на скаку. Это уже не тот мальчик, которого они когда-то знали: взгляд чингизида буквально пригвоздил к месту. Оба брата напрялись.

Хасар втянул зубами воздух, давая понять, что разгневан. Они знали: Чагатай здесь для того, чтобы не дать им въехать в Каракорум. Как далеко он пойдет в этом своем намерении, пока неясно.

– Что-то поздно вато ты вывел своих людей на учения, Чагатай! – звучно, с издевкой воскликнул Хасар.

Их разделяло меньше полусотни шагов – ближе, чем расстояние, на которое он позволял приближаться к себе тем, кому не верил, особенно в последний месяц. Руки сами тянулись взяться за лук – но доспехи наверняка защитят смутьяна, а затем из-за этого начнется резня, да такая, какой тут не помнили со времен расправы над тангутами. Чагатай, надменно подбоченясь, с холодной уверенностью усмехнулся:

– А у меня здесь, дядя, не учения. Я скачу посмотреть, кто это тут в темноте угрожает покою всего лагеря. И, к удивлению, вижу моих собственных дядьев,двигающих под покровом ночи целые тумены. Что же мне со всем этим делать, а?

Он рассмеялся, и воины вокруг него улыбочиво ощерились, хотя руки их не выпускали луки, мечи и копыя, которыми заслон успел оцетиниться.

– Будь осторожен, Чагатай, – предупредил Хасар.

Выражение лица чингизида стало жестким.

– Нет, дядя. Осторожным я *не* буду, особенно когда по моей земле скачут армии. Возвращайтесь оба в свои юрты, к своим женам и детям. И людям своим скажите разойтись. Пускай укладываются спать: здесь вам нынче делать нечего.

Хасар набрал в грудь воздуха, чтобы выкрикнуть приказ, и Хачиун едва успел пресечь команду, которая привела бы в движение тумены:

– Нет у тебя, Чагатай, над нами власти! Твои люди в меньшинстве, но кровь нам лить ни к чему. В город мы войдем, и сделаем это прямо сейчас. Посторонись, и схватки между нами удастся избежать.

Ретивый конь Чагатая, чувствуя нрав хозяина, взвился на дыбы и описал круг. Натянутыми поводьями чингизид надорвал скакуну пасть. На своих дядьев Чагатай посмотрел со скрытым торжеством. Те невольно ощутили испуг при мысли о том, что сейчас происходит в городе с Угэдэем.

– Вы меня, видимо, не так поняли! – крикнул Чагатай с расчетом, что его услышат как можно больше ушей. – Это *вы* пытаетесь ворваться в Каракорум! Насколько мне известно, вы задумали в городе злодейское убийство, а с ним и переворот, награда за который – голова моего брата. И потому я пришел, чтобы не пропустить вас в город и сберечь таким образом мир.

На их изумление он скривился глумливой усмешкой, одновременно напрягшись в ожидании возможных стрел.

Заслышав справа движение, Хачиун дернулся в седле и тогда увидел, что на него надвигаются, уже выстраиваясь в боевой порядок, густые цепи воинов, во главе которых с факелами идут десятники и сотники. Точное количество в свете звезд определить было сложно, но сердце Хачиуна упало, когда над рядами стало видно колыхание бунчуков союзников Чагатая. Обе враждующие стороны, примерно равные числом, поедом ели друг друга глазами, но Чагатай свое дело сделал – это было ясно и ему, и братьям. Начать внутреннюю войну под сенью стен Каракорума Хачиун с Хасаром не могли. Хачиун глянул на восток, скоро ли рассвет, но небо там было по-прежнему темным, а Угэдэй все так же оставался один, незащищенный.

Глава 5

– Гуран, ложись! – выкрикнул Субэдэй.

На бегу он накладывал на лук стрелу. Гуран распластался под брешью в двери, и багатур послал стрелу во внешнюю темень, где кто-то отрадно поперхнулся криком. Субэдэй уже снова натягивал тетиву. Расстояние было с десяток шагов, не больше; любой воин степей попал бы в такую мишень без промаха, даже при подобной сумятице. Едва сделав второй выстрел, Субэдэй рухнул на колени и катнулся в сторону. Он еще не успел притормозить, как в помещение, незримая от скорости, жужжа, влетела из коридора встречная стрела и упруго задрожала, ткнувшись в деревянный пол позади Субэдэя.

Гуран припал к двери спиной, при этом повернув голову в сторону бреши. Это принесло свои плоды: в дыру юркнула рука, растопыренными пальцами нащупывая внизу засов, и кешиктен взмахом сабли перерубил ее, чуть не всадив клинок в дверь. Рука вместе с частью предплечья обмяклой культей шлепнулась наземь, а из-за двери раздался несусветный вопль, который, впрочем, вскоре оборвался. Те, что снаружи, или увели раненого получать помощь, или же попросту сами его добились.

Субэдэй, встретившись глазами с Гураном, кивнул. Несмотря на разницу в званиях, в этой комнате они сейчас были самыми умелыми воинами, способными сохранять спокойствие и думать даже там, где мысли взлетят, а запах крови донельзя густ.

– Нам нужен второй рубеж, повелитель, – обернулся багатур к Угэдэю.

Человек, которому суждено стать ханом, стоял с волкоглавым мечом своего великого отца. Дыхание Угэдэя было мелким и частым, а лицо – еще бледнее, чем час назад. Не услышав от чингизида ответа, Субэдэй тревожно нахмурился. Он заговорил громче, зычность голоса пуская на то, чтобы выдернуть человека из ступора:

– Если дверь не выдержит, повелитель, они набросятся на нас. Вы понимаете? Нам нужен второй рубеж, линия отступления. Мы с Гураном останемся у первой двери, вы же с вашим братом должны отвести детей и женщин во внутренние покои и загородить там дверь всем, чем только возможно.

Угэдэй медленным поворотом головы отвел глаза от темной бреши, откуда внутрь, как рвота, стекала ненависть.

– Ты ждешь, чтобы я забился куда-нибудь в щель ради того, чтобы еще на несколько вздохов продлить себе жизнь? Чтобы затем моих детей, как зверят, отлавливали по всему дворцу? Нет, лучше я встречу смерть здесь, с мечом в руке и лицом к врагу.

Он говорил со всей искренностью и решимостью. Но поглядев в следующую секунду на Сорхахтани с ее двумя сыновьями и встретившись глазами с младшим братом Тулумом, потупил взор.

– Ладно, Субэдэй. Будь по-твоему. Но я сюда вернусь. Тулуй, веди за собой свою жену и сыновей, и помоги мне загородить внутреннюю дверь.

– Возьмите лук, – окликнул в спину Субэдэй, стягивая с плеча колчан и перебрасывая вместе с луком Угэдэю.

Пятерка осмотрительно, с оглядкой тронулась назад, не забывая о том, что представляет собой цель для пристроившегося в коридоре лучника. Он караулил где-то снаружи, в темноте. Кто не знает терпения монгола, этого всегдашнего охотника на шустрюю степную кабаргу и скрытного тарбагана! Поле зрения лучника образовывало конус, охватывающий внешнюю комнату по центру.

Угэдэй без предупреждения метнулся через это пространство, а Сорхахтани катнулась следом, вспорхнув в противоположном углу на ноги с грациозностью танцовщицы. Теперь, на этом пятачке безопасности, их не могла задеть ни одна стрела.

Тулуй стоял на противоположной стороне. Вместе со своими сыновьями он отыскал убежище за стенным выступом. Лицо младшего чингизида было исполнено тревоги за своих детей.

– Я пойду последним, вы меня поняли? – обратился он к ним.

Менгу тотчас кивнул, но Хубилай упрямо тряхнул головой.

– Ты у нас самый большой и неповоротливый, – сказал он дрожащим от волнения голосом. – Лучше я пойду последним.

Тулуй прикинул. Если лучник выжидает с натянутой тетивой, то стрелу он может пустить в мгновение ока, почти не целясь. Все те, кто за дверью, только на него и смотрят. Между тем стук снаружи прекратился, как будто люди там чего-то ждали. Может, так оно и было. Краем глаза Тулуй заметил, что Дорегене, жена Угэдэя, жестом подзывает его к себе.

До нее через комнату всего несколько шагов, но сейчас это расстояние приравнялось к бездонной расселине. Тулуй медленно, глубоко вдохнул, успокаивая себя и думая об отце. Чингисхан, помнится, рассказывал ему о дыхании, о том, как люди задерживают его, когда напуганы, или делают резкий вдох перед тем, как совершить бросок. То есть это знак остерегаться врага. Ну а если вдох делаешь ты сам, то это способ укротить свой страх. Он еще раз вздохнул, прерывисто вдохнул, и бешеный стук сердца в груди слегка унялся. Взвинченности Хубилая Тулуй улыбнулся.

– Делай что говорю. Я проворней, чем ты думаешь. – Он положил руки на плечи обоих сыновей и шепнул: – Бегите вместе. Готовы? Ну же!

Мальчики метнулись через мирное на вид пространство. Стрела мелькнула, едва не чиркнув Хубилая по спине. Он упал плашмя, и Сорхахтани тут же подтащила его к себе, обняв с невероятным облегчением. Вместе с сыновьями она обернулась к Тулую, который ободрительно им кивнул, отирая выступивший на лбу пот. Вот это женщина! Он женился на ней из-за ее красоты, захватывающей дух, а сейчас она вызывала улыбку своим жестоко-решительным выражением лица: ни дать ни взять волчица с волчатами. Лучник, безусловно, был готов, и мальчикам просто повезло. Себя Тулуй проклинал за то, что не кинулся за ними сразу же, пока лучник не успел изготавиться к новому выстрелу. Момент упущен, а с ним, возможно, и жизнь. Тулуй огляделся в поисках хоть какого-нибудь щита – стола или даже толстой ткани, способной сбить стрелка с толку. Коридор по-прежнему молчал: молодобойцы давали лучнику сделать свою работу. Тулуй еще раз медленно вдохнул, делая тело стальным для прыжка и против воли примеряясь к мысли, как в него, терзая, вонзится стрела, сбивая с ног на глазах у семьи.

– Субэдэй! – окликнула Сорхахтани.

Багатур обернулся, ловя ее вопрошающий взгляд, и все понял. Прикрыть на необходимое им время брешь было нечем. Взгляд его упал на единственный светильник. Снова погружать комнату во тьму нежелательно, но ничего иного не оставалось. Одним махом воин швырнул фыркнувший горящий светильник в дверную дыру. Фонтаном посыпались искры, и в тот же миг Тулуй благополучно перепрыгнул к своим, а Субэдэй услышал, как в брешь уже со стороны комнаты прилетела стрела, причем не мимо цели. Менгу с Хубилаем радостно запрыгали.

Какое-то время, недолго, комната прерывисто освещалась пламенеющим маслом со стороны коридора, но вот огонь там затоптали, и все снова погрузилось в потемки, еще более плотные, чем прежде. Рассвет все так и не наступал. Грохот молотов возобновился. С треском летели щепки, дверь в наличниках натужно стонала.

Тулуй, не мешкая, взялся действовать на входе во внутренний покой. Дверь здесь была не в пример слабее наружной. Чтобы справиться с ней, нападающим окажется достаточно и минуты. Поэтому Тулуй сам сбил ее с петель и поставил в проходе заграждением. Работая, он успел ухватить и нежно потрепать за плечи своих сыновей, после чего послал их в опо-

чивальню Угэдэя стаскивать сюда все, что они смогут поднять. Там их ласково направляла Дорегене, которой они с азартом подчинялись. Оба мальчика привыкли слушаться мать, а жена Угэдэя, рослая, видная женщина, умела управляться с детьми ничуть не хуже.

В опочивальне была еще одна небольшая лампа. Дорегене отдала ее Сорхатани, которая поместила лампу так, чтобы свет хотя бы немного доходил до Субэдэя. При этом комната наводнилась беззвучными скользкими тенями, гигантскими в сравнении с живыми людьми и на редкость подвижными.

Работа проходила в угрюмой сосредоточенности. Субэдэй с Гураном понимали, что когда внешняя дверь вылетит, на отступление у них останутся считанные секунды. Придвинутая кушетка составит для штурмующих лишь мелкое неудобство. За спиной молча, в лихорадочной поспешности сооружали заграждение Сорхатани и Тулуй; на их движениях сказывались страх и недосып. Мальчики подносили куски деревянной облицовки, разную утварь, подтянули даже тяжеленный пьедестал, процарапавший пол длинным шрамом. Но что это для озлобленной своры штурмующих – так, пустяк. Это понимал даже юный Хубилай – во всяком случае, видел по понурым лицам родителей. Когда все это жалкое нагромождение обломков оказалось скинуто в кучу, Тулуй и его семья вместе с Угэдэем и Дорегене встали за него и, отдуваясь, принялись ждать.

Сорхатани одной рукой придерживала за плечо Хубилая, а в другой сжимала длинный нож багатура. Хоть бы еще немного света. Ведь это ужасно: погибнуть во мраке, опрокинуться среди сражающихся окровавленных тел. А потерять Хубилая и Менгу? Об этом и помыслить невозможно. Все равно что стоять на краю утеса, перед тем как сделать шаг вперед и обрушиться вниз. Женщина слышала размеренное глубокое дыхание мужа и попробовала так же вдыхать через нос. А что, действительно немножко легче.

Наружная дверь в темноте внезапно треснула по всей длине, и штурмующие снаружи, крякнув, заскулили в предвкушении.

Все это время Субэдэй с Гураном не забывали о лучнике по ту сторону двери. Они каждый раз наугад определяли, когда молотобойцы загораживают укрытого стрелка, и тогда впотьмах наносили удары по вражьи туловищам, конечностям и лицам. Снаружи напирали, зная, что конец уже близок. Уже не один противник, вякнув, отвалился, пораженный клинком, жалящим, словно клык, и уходящим внутрь прежде, чем лучник успевал сквозь своих углядеть цель. Вот и сейчас невдалеке кто-то выл, расставаясь с жизнью. Гуран тяжело отдувался. Перед сражающимся рядом военачальником он испытывал истинное благоговение. На лице Субэдэя не дрогнул ни один мускул, словно багатур находился на учениях по выносливости, подавая пример новобранцам.

Однако дверь им не удержать. Оба напряглись, когда разлетелась в щепу нижняя панель. Оставалась лишь половина двери, шаткая и треснутая. А снизу уже подбирались под засов и поперечину враги, за что и получили уколы клинков в обнаженные шеи. Обоих защитников обдало кровью. Тем временем лучник переместился и пустил стрелу, зацепившую Гурана сбоку.

Он понял, что сломаны ребра. Каждый вдох доставлял мучение, легкие словно шоркали об осколки стекла. Но у кешиктена даже не было возможности осмотреть рану и проверить, спасли ли его доспехи. В дверь между тем лупили ногами все больше людей, от чего расшатывались штыри в стенах. Когда они наконец не выдержат, поток штурмующих поглотит обоих.

Гуран, задыхаясь и хватая ртом неутоляющий воздух, продолжал наносить удары, изыскивая за дверью оголенные шеи и руки. Вот чужие клинки ткнули уже его, удары посыпались по плечам и ногам. Во рту чувствовалась железистая горечь, руки при замахах становились все слабее, а от каждого вдоха горело в груди, горле и ноздрях.

Затем кешиктен упал, поскользнувшись, кажется, на чьей-то крови. У него на глазах отлетела железная поперечина. В комнате сделалось как будто светлее, рассеялась лохматая волчья темнота. Неужто рассвет? Гляди-ка, дотянули. Гуран тихо охнул, когда ему, переламывая кости, наступили на вытянутую руку. Впрочем, боль была мимолетной. Он умер до того, как Субэдэй обернулся к воющим и вопящим врагам, врывающимся сейчас в комнату, полыхая дикой жаждой довершить начатое.

* * *

Тупиковый расклад на воротах стал для Чагатая победным. Он упивался испуганно-растерянным выражением лиц своих дядьев, в то время как Джелме успел привести на его сторону свой тумен. Ему противостоял тумен Тулуя, воины которого буквально рвались с привязи, осознавая, что их повелитель с семьей заперт в городе и его, быть может, уже нет в живых.

Один за другим под стены города приводили своих людей все военачальники империи, так что к исходу ночи воинство растянулось насколько хватало глаз. Более сотни тысяч воинов стояли в готовности к сражению, хотя боевого пыла в их сердцах особо не было, а играл он разве что в жилах командиров, что сидели сейчас в сборе, холодно глядя друг на друга.

Сын Джучи Бату выступил на стороне Хачиуна и Хасара. Ему едва исполнилось семнадцать, но его тысяча преданно шла за ним следом, а сам он ехал с высоко поднятой головой. Несмотря на молодость и незавидную участь своего отца, он был *тайджи* – родичем чингизида. О нем проявил заботу Угэдэй, продвинув племянника по службе так, как этого никогда не стал бы делать Чингисхан. Но и при этом для того, чтобы встать против самого беспокойного из сынов своего великого деда, от Бату потребовалась недюжинная решимость. Хачиун даже послал гонца, чтобы поблагодарить юного родственника за дружественный жест.

В отсутствие Субэдэя ум Хачиуна скакал резвее, чем можно было предположить по его мирной наружности. Хачиун считал, что Джелме по-прежнему хранит верность Угэдэю, хотя его и назвал союзником Чагатай. Шестая часть армии, готовая отвернуться в самый решительный момент, – это, конечно, не мелочи. И тем не менее силы рассредоточены, можно сказать, ровно пополам. А потому Хачиун даже мысленно не решался представить армии, сходящиеся меж собой в сражении, из которого в итоге останутся лишь сотни, а из них – десятки, а там и вообще один или два вконец изможденных воина. А как же, получается, великая мечта, что дал им всем Чингисхан? Он-то ведь не предусматривал столь зряшной, губительной траты жизней и сил – во всяком случае, среди своего народа.

На востоке замутнел сероватый рассвет, открыв взору дымные равнины, над которыми готовилось взойти солнце. Предутренний свет разлился над невиданным воинским скоплением у стен Каракорума, освещая лица военачальников и их воинов, различимые уже без факелов. Но даже при этом тумены не пришли в движение и не двинулся с места Чагатай, непринужденно, с развязным хохотком болтающий со своими приближенными, в наслаждении от нарождающегося дня и всего, что тот готовит.

Едва первые лучи солнца позолотили восток, как заместитель Чагатая хлопнул своего командира по плечу, а его приближенные шумно возрадовались. Шум быстро подхватили остальные верные ему тумены. Те, что с Хасаром и Хачиуном, сидели в угрюмом задумчивом молчании. Не надо слыть Субэдэем, чтобы истолковать приподнятое настроение Чагатая. Хачиун с прищуром наблюдал, как люди Чагатая начинают спешиваться, собираясь преклонить колени перед новым ханом. Он в нарастающем гневе поджал губы. Эту волну необходимо остановить, пока она не пошла по всем туменам, и Чагатай не оказался ханом на волне скоропалительных клятв, в то время как судьба Угэдэя до сих пор еще даже не ясна.

Хачиун тронул свою лошадь, поднятием руки велел остановиться тем, кто собирался за ним последовать. Вперед выехал и Хасар, и вдвоем через ряды воинов они поехали к Чагатаю.

Их племянник проявил готовность, едва они сделали первый шаг в его направлении, – готовность, явно принятую уже с ночи. Несомненно, в знак угрозы вынув саблю, он между тем расплылся в улыбке и жестом велел своим кешиктенам пропустить гостей. Взошедшее солнце озарило лучами скопище воинов. Их доспехи переливчато блеснули червонным жаром, словно чешуя опасных железных рыб.

– Вот уж и новый день, Чагатай, – сказал племяннику Хачиун. – Время наведаться мне к твоему брату Угэдэю. Я пойду, а ты откроешь город.

Чагатай, еще раз поглядев на рассветное небо, кивнул будто сам себе.

– Я свой долг исполнил, дядя. Защитил город от тех, кто мог поднять здесь мятеж накануне принятия клятвы. Так поехали же вместе к дворцу моего брата. Я должен быть уверен, что с Угэдэем все в порядке.

На последних словах он ослабился, а Хачиун предпочел отвернуться. Ворота начали плавно открываться, являя взору пустые улицы Каракорума.

* * *

Субэдэй был уже немолод, но зато в полном боевом облачении, а в войске прослужил дольше, чем большинство из атакующих прожили на свете. Когда в покой ворвался вихрь из конечностей и клинков, он отскочил от двери на шесть шагов, а затем без предупреждения метнулся и рассек глотку тому, кто оказался ближе всех. Двое, что бежали рядом, дико замахиваясь, обрушили клинки на его пластинчатые доспехи, оставляя на тусклых бляхах яркие зарубки. Ум Субэдэя был абсолютно ясен и оказался проворнее их движений. Воин рассчитывал не мешкая отступить, однако поспешные неряшливые удары врагов выказывали их усталость и отчаяние. Субэдэй ударил снова, срубив одного, а обратным движением клинка вскрыв лоб другого, от чего брызнувшая кровь временно его ослепила. Это было ошибкой. Двое ухватили Субэдэя за правую руку, еще один сделал ему подножку, и багатур упал плашмя.

На полу он взорвался неистовством, извиваясь и нанося удары во всех направлениях, используя доспехи в качестве оружия. При этом беспрестанно двигался, не давая в себя попасть. Металлические пластины на ноге вспороли кому-то бедро. И тут в помещение с воим ворвались еще люди, стало не развернуться. Субэдэй отчаянно боролся, но уже понимал, что проиграл, – и что проиграл Угэдэй. Ханом станет Чагатай. Багатур сглатывал собственную кровь, горечью и соленостью не уступающую его гневу.

За ограждением плечом к плечу стояли Угэдэй с Тулуем. Сорхахтани держала лук, но пока был жив и сражался Субэдэй, стрелять не осмеливалась. Когда тот упал, она одну за другой послала две стрелы, пролетевшие между мужем и его братом. Для полного натяжения тетивы женщине не хватило сил, но тем не менее одна из стрел угодила в цель, а вторая отрикошетила в потолок. Пока она дрожащими пальцами накладывала третью стрелу, Угэдэй вышел вперед и вознес отцов меч. Впереди ограждения царила ужасающая неразбериха мелькающих рук, клинков, окровавленных лиц. Поначалу было даже непонятно, что происходит. Сорхахтани, несмотря на взвинченность, вздрогнула, когда во внешний покой с криком ворвались еще какие-то люди. Штурмующие, что уже вступили в схватку с Угэдэем и Тулуем, обернулись на рев, и их как будто отдернуло назад. Сорхахтани увидела, как из горла обращенной к ней оскаленной физиономии с узкими кошачьими зрачками высунулось острие меча, словно выросший вдруг длинный кровавый язык. Человек дернулся и упал, а в помещении неожиданно сделалось просторно.

Угэдэй с Тулуем переводили дух, будто загнанные псы. Во внешнем покое со штурмующим сбродом быстрыми точными ударами расправлялись воины в доспехах. Дело здесь шло к концу.

Посреди покоя стоял Джэбэ. В запале схватки он поначалу даже не обращал внимания на уцелевших, в том числе и на Угэдэя. Первым делом, завидев на полу Субэдэя, он участливо присел, помогая славному багатуру, израненному, но живому, подняться хотя бы на колени. Тот повел головой из стороны в сторону – мол, сам справлюсь.

Тогда Джэбэ, встав, взмахом сабли приветствовал Угэдэя.

– Рад видеть вас целым и невредимым, повелитель! – с улыбкой сказал он.

– Как ты здесь очутился? – спросил сквозь одышку Угэдэй, кровь которого все еще кипела гремучей смесью ярости и страха.

– Ваши дядья, повелитель, отправили меня сюда с сорока кешиктенами. Дело на проверку вышло хлопотное: много голов пришлось смахнуть, прежде чем сюда к вам удалось пробраться.

Тулуй восторженно хлопнул по спине своего брата, после чего повернулся и в порыве нежности обнял Сорхахтани. Хубилай с Менгу на радостях завозились медвежатами, пока голова Хубилая не оказалась зажата под мышкой у более верткого Менгу.

– Субэдэй! – окликнул военачальника Угэдэй. – Багатур!

Осоловелые глаза Субэдэя постепенно прояснялись. Один из воинов протянул руку, чтобы помочь ему подняться, но тот сердито ее отбил, все еще потрясенный тем, как близок он был к смерти под ногами врагов. Когда Субэдэй, кряхтя, поднялся на ноги, Джэбэ изложил обстановку:

– Сломанное Копье закрыл ворота города. Все тумены собраны снаружи на равнине. Дело все еще может дойти до войны.

– Тогда как вы попали внутрь города? – требовательно спросил Угэдэй. Он поискал глазами Гурана и тут с горечью вспомнил, что верный кешиктен отдал жизнь возле первой двери.

– Мы влезли на стены, – ответил Джэбэ. – Отважный Хачиун послал нас туда перед тем, как сделал попытку прорваться в город. – Заметив на лице Угэдэя озадаченность, он пояснил: – Они не так уж высоки, повелитель.

В покоях сделалось светлее. В Каракорум пришел рассвет, и день обещал быть погожим. Вздвогнув, Угэдэй вдруг вспомнил, что это день принесения клятвы. Он моргнул, пытаясь придать своим мыслям хоть какую-то упорядоченность, наметить ориентир после перенесенной бурной ночи. В то, что у нее окажется послесловие, сложно было поверить. В какие-то секунды казалось, что пришел конец. Угэдэй чувствовал себя оглушенным, потерянным в событиях, над которыми был не властен.

В коридоре снаружи послышалась чья-то хлопотливая поступь. Ворвавшийся в покои гонец растерянно замер, потрясенный горами мертвой плоти и выставленными в его сторону клинками. В замкнутом пространстве смердело выпущенными наружу нечистотами.

– Говори, – с ходу велел Джэбэ, узнав гонца.

Молодой скороход, опомнившись, торопливо заговорил:

– Ворота снова открыты, господин. Я всю дорогу бежал бегом, но следом идут вооруженные люди.

– Ну а как же, – умудренно произнес Субэдэй. Глубокий голос прозвучал столь неожиданным, что все присутствующие вздрогнули и обернулись, а Угэдэй испытал прилив облегчения от присутствия багатура. – Все находящиеся прошлой ночью за стенами явятся сюда, чтобы воочию увидеть, кто здесь выжил. Повелитель, – обратился он к Угэдэю, – времени в обрез. Когда вас увидят, вы должны быть чисты и переодеты. А эти покои надобно наглухо закрыть – во всяком случае, на сегодня.

Угэдэй благодарно кивнул, и Субэдэй принялся четко и быстро отдавать распоряжения. Первым заспешил прочь Джэбэ, оставив десяток кешиктенов охранять того, кто станет ханом. За ним последовали Угэдэй с Дорегене, затем Тулуй со своей семьей. Спеша по длинному коридору, Угэдэй заметил, как его брат попеременно притрагивается то к своей жене, то к сыновьям, словно все еще не до конца веря, что они здесь, с ним, в безопасности.

– Дети, Угэдэй, – произнесла Дорегене.

Он посмотрел на нее и увидел, что лицо ее бледно, а в глазах застыла тревога. Тогда он обнял жену за плечи, и обоим стало спокойнее. Глядя поверх ее головы, Угэдэй подумал о том, что, пожалуй, никто из этих людей не знает дворец как следует. Кстати, где Барасагур, его старший слуга?

– Военачальник! – окликнул Угэдэй Джэбэ, который шел впереди. – Я должен выяснить, как пережил эту ночь мой сын Гуюк. И мои дочери. Пускай один из твоих людей отыщет их место пребывания – где именно, расспроси моего слугу. Новости сообщить мне со всей возможной быстротой. Найди также моего советника Яо Шу. Пускай поторапливаются. Убедись, что все они живы и с ними ничего не случилось.

– Слушаю и повинуюсь, повелитель, – с поспешным поклоном сказал Джэбэ. Поведение чингизида отличалось редкой неровностью: неизвестно, чего ждать от него в следующую минуту. Быть может, сказывалось волнение после боя, когда жизнь в жилах начинает течь с удвоенной силой.

Угэдэй, набираясь стремительности, размашисто двинулся дальше, так что жена и стража с трудом теперь за ним поспевали. Из отдаления откуда-то спереди донеслись звуки шагов множества людей. Угэдэй предусмотрительно нырнул в другой коридор. Ему необходимы свежая одежда и омовение. Надо счистить с себя чужую кровь и грязь. А еще требовалось время поразмыслить.

Скача по улицам в сторону дворца, Хачиун холодел от дурного предчувствия. Тела, казалось, лежали вповалку всюду, лужи темной крови пятнали гладкие каменные желоба водостоков. Цвета угэдэевского тумана были не на всех. Встречались здесь также простые дэли и доспехи, жирно лоснящиеся от крови, черной на утреннем свете. Ночь определенно выдалась кровавой, и Хачиун внутренне обмирал при мысли о том, какое зрелище может ждать его во дворце.

Чагатай скакал легко, чуть покачивая головой, глядя на следы побоища. При этом он глумливо ухмылялся, от чего у Хачиуна зрело непроизвольное желание рубануть ему по глотке, навсегда стерев самодовольство с его лица. Впрочем, взяться за меч не давало присутствие троих приближенных Чагатая. На мертвецов они не смотрели, целиком сосредоточившись на двоих всадниках, скачущих с их хозяином, который к концу дня намеревался стать ханом.

На улицах было тихо. Если кто из мастеровых и рискнул покинуть свое жилище после звона клинков и воплей минувшей ночи, то вид такого количества тел, несомненно, заставил их спрятаться обратно и запереть двери на все засовы. Шестеро всадников держали путь к ступеням, ведущим к воротам дворца. Здесь на бледном мраморе тоже раскинулись мертвецы, и их кровь лужами стыла на прожилках благородного камня.

Спешиваться Чагатай не стал, а лишь дернул поводья своего коня, и тот стал всходить по ступеням, сторожко ступая между трупами. Главная дверь в первый внутренний двор была открыта, и никто не препятствовал входу в него. Вокруг мало-помалу собиралось воронье, а в вышине кружили стервятники, привлеченные запахом смерти, витающим в утреннем ветерке. Хачиун с Хасаром, проходя под темным клином тени во двор, переглянулись в мрачном предчувствии. Здесь их, сказочно озаренные рассветными лучами, встречало румяным блеском серебряное дерево, прекрасное и безжизненное.

Письмена мертвых военачальники читали достаточно хорошо. Боя в четком понимании этого слова, с рядами сражающихся, тут не было. Тела валялись вразброс, сраженные со спины или с расстояния стрелами, которых даже не увидели. Почти физически ощущалось удивление защитников, испытанное ими в тот момент, когда из тени набрасывались на них и срубали прежде, чем можно было организовать какую-либо оборону. Чагатай наконец молча спешился. Его скакун нервничал от запаха крови, и чингизид крепче привязал его к коновязи.

– Я начинаю опасаться за своего брата, – промолвил Чагатай.

Хасар напрягся, но один из Чагатаевых приближенных поднял руку, намекая на свое присутствие. Его тонкие губы поползли в улыбке. Безусловно, ему нравилось представление, разыгранное хозяином.

– Опасаться нечего, – раздался голос, от которого все подскочили.

Чагатай крутнулся, мгновенно выхватывая из ножен саблю. Его телохранители оказались почти столь же проворны.

Под резной аркой из песчаника стоял Субэдэй. Доспехов на нем не было, а утренний ветерок поигрывал складками шелкового халата. Левое предплечье полководца было перевязано, на повязке проступали очертания кровавого пятна. Выглядел он утомленно, но глаза, вззирающие на человека, виновного в гибели и разрушении, горели жутковатым тигриным светом.

Чагатай приоткрыл рот – должно быть, намереваясь потребовать разъяснений, – но Субэдэй не дал ему ничего сказать:

– Мой повелитель Угэдэй ждет всех в зале для аудиенций. Он милостиво приглашает вас в свой дом и заверяет, что здесь вы в безопасности. – Последние слова будто застряли у него в горле.

Под напором гнева, которым так и кололи, так и резали глаза военачальника, чингизид отвел взор. На секунду плечи его поникли: он понял, что проиграл. Вся свою ставку он делал лишь на одну решающую ночь. И, вероятно, просчитался. Он не сразу поднял голову на шорох шагов, послышавшийся сверху. Весь балкон заняли лучники. Чагатай закусил губу и задумчиво кивнул. Все-таки он был сыном своего отца. Расправив плечи, Чагатай торжественно вложил саблю в ножны. Когда он улыбнулся Субэдэю, на его лице не было ни следа потрясенности или разочарования.

– Благодарение духам, он остался цел! – воскликнул Чагатай. – Веди меня к нему, багатур.

Глава 6

Приближенные Чагатая остались во внутреннем дворе. По приказу хозяина они готовы были обнажить клинки, но он только хлопнул одного из них по плечу – дескать, спокойно, – после чего зашагал к галерее, в проеме которой дожидался Субэдэй. Чингизид не оглянулся, когда его людей обступили воины Угэдэя и принялись хладнокровно засекаать. Когда один из них вскрикнул под саблями, Чагатай чопорно поджал губы, раздосадованный такой слабостью: надо же, не может даже достойно принять смерть во имя своего хозяина.

Хасар с Хачиуном шли в молчании, следя за тем, как Чагатай сбоку подстраивается к Субэдэю; ни тот ни другой не удостоили друг друга и взглядом. У входа в зал аудиенций плотным строем стояли кешиктены, которым Чагатай, пожав плечами, отдал саблю.

Двустворчатая дверь с обшивкой из надраенной меди, красно-золотой в свете утренней зари, безмолвствовала. Чагатай ожидал, что его пригласят войти, но вместо этого старший кешиктен постучал по его доспеху и выжидающе отступил на шаг. Чагатай недовольно поморщился, но все же взялся стягивать с себя кольчужные рукавицы и наплечники, затем – пластинчатый панцирь с набедренниками. Вскоре он уже стоял в одном кожане, штанах и сапогах. Кто-нибудь другой после такой процедуры раздевания уменьшился бы в размерах, но не чингизид. До этого решающего часа Чагатай многие месяцы упражнял свое тело борьбой и бегом, а также ежедневно выпускал свыше сотни стрел. Так что был он в прекрасной форме и ладностью своей превосходил многих из тех, кто стоял сейчас с ним рядом.

За исключением, понятно, Субэдэя. Никто из кешикتنенов не отважился даже приблизиться к этому человеку, молча ждущему, не посмеет ли Чагатай возроптать. Стоял багатур молча, но то было молчание готового к прыжку тигра или готового выстрелить лука.

Наконец Чагатай, приподняв бровь, смерил кешиктена вопросительным взглядом. Он терпел, когда его сверху донизу чутко обхлопали ладонями. Оружия при нем не оказалось, и тогда по кивку начальника стражи громоздкие двери медленно отворились. Вошел Чагатай один. Когда двери закрывались, за спиной у себя он расслышал негодующий голос Хасара: тот рвался следом, но наткнулся на неожиданный заслон. Вот и хорошо, что все будет происходить не на глазах у дядьев и Субэдэя. И пусть его, Чагатая, игра проиграна, но в этом нет ни стыда, ни позора. Просто Угэдэй, как и он сам, собрал вокруг себя преданных людей, которые оказались расторопней и сообразительней. И теперь, по следам минувшей ночи, одному из двух братьев предстоит стать ханом. *Одному...* ну а второму? Завидев на том конце зала Угэдэя, восседающего на белокаменном с золочеными пластинами троне, Чагатай невольно заулыбался. Вид у брата, безусловно, впечатляющий (на что, собственно, и делался расчет).

По мере приближения он разглядел, что волосы Угэдэя влажны и льнут к плечам, как будто тот окунался в ведро с водой. Единственным зримым свидетельством минувшей ночи стала лиловая отметина на щеке. Контрастом к великолепию трона смотрелся серый дэли, наброшенный поверх штанов и нагольной рубахи, – вычурности не больше, чем у простого пастуха с равнин.

– Рад видеть тебя в добром здравии, брат, – с едва проскальзывающей наглостью в голосе произнес Чагатай.

Щеки Угэдэя вспыхнули сухим лихорадочным жаром.

– Давай прекратим эти игры, – бросил он брату, который сейчас под суровыми взглядами стражников приближался к трону. – Я выжил после твоих нападений. И сегодня на исходе дня стану ханом.

Чагатай, по-прежнему улыбаясь, кивнул:

– Как скажешь. Но знаешь, как ни странно, я сказал правду. Часть меня содрогалась от мысли, что я не застаю тебя в живых. Нелепо, верно? – Он насмешливо хмыкнул, позабав-

ленный путаницей собственных чувств. Удивительная все-таки штука – родственные отношения. – И тем не менее я делал то, что считал уместным. И нет у меня ни сожалений, ни извинений. Думаю, отец получил бы удовольствие от тех смелых шагов, которые я предпринял. А ты, – он склонил голову, – ты должен мне простить, если я не поздравлю тебя с твоей победой.

Волнение Угэдэя слегка улеглось. Долгие годы он считал Чагатая не более чем спесивым вертопрахом. Он даже сам не смог бы сказать, когда и как этот легкомысленный повеса вырос в мужчину, исполненного чувства силы и приверженности цели. В эту минуту, когда брат стоял перед его тронем, старшие кешиктены вышли вперед и приказали ему опуститься на колени. Тот проигнорировал приказ и продолжал стоять, с веселым интересом оглядывая зал. Для воина, привыкшего к юртам среди равнин, размеры поистине огромны. Утреннее солнце заливало зал, розоватым ликующим светом освещая город за окнами.

Один из кешиктенов вопросительно обернулся к Угэдэю за разрешением. Чагатай в это время с нарочитой беспечностью улыбался. Любого другого наглеца страж поверг бы на колени ударом – если надо, то и рубанув ему подколенные сухожилия. Колебание Угэдэя лишний раз уверяло Чагатая в собственной силе, тем более сейчас, когда его хотели усмирить.

Что до Угэдэя, то он почти восторгался безрассудной отвагой брата. И даже не «почти», а доподлинно, невзирая на события этой ночи. Тень Чингисхана нависала над обоими и, может статься, будет довлеть над ними всегда. Ни они, ни Тулуй никогда не сравнятся со своим отцом. Что бы ни взять в качестве мерила, размахом и величиим души они уступали ему уже с того момента, как появились на свет. И тем не менее им надо жить; жить и набираться зрелости, опыта в державных делах. И расти, возвышаться под этой сенью, великой и грозной, иначе она поглотит их без остатка.

Так, как понимал сущность Угэдэя Чагатай, не понимал ее даже их общий брат Тулуй. У Угэдэя все еще не было четкой уверенности, правильно ли он сейчас поступает, но и в этом следовало проявлять спокойствие и силу. Досконально ясно одно: можно всю свою жизнь растратить попусту на тревоги и метания. Иногда приходится просто делать выбор, ну а потом лишь пожимать плечами в зависимости от того, как оно все сложилось, в осознании, что большего ты бы сделать все равно не смог, потому как не хватило духу.

Глядя на брата, Угэдэй еще раз, будто напоследок, мучительно пожалел о том, что не знает, сколько ему отпущено. От этого зависит все. Что до его сына, то у него нет суровой твердой воли, позволяющей претендовать на звание наследника. Умри Угэдэй нынче же, Гуюк не пройдет по линии их с Чагатаем отца, линии Чингисхана. Власть отойдет к тому, кто идет перед ним. Угэдэй всем своим видом демонстрировал величавое спокойствие, но сердце не слушалось, билось, как птица в клетке, наполняясь тупой болью, которая с каждой минутой становилась все острее; вот она уже словно клинок, сунутый между ребер. Всю ночь Угэдэй провел в треволнениях, на ногах и без сна, не хватало еще сейчас на виду у всех рухнуть без чувств. Перед встречей он, правда, успел взбодриться чашей красного вина и щепотью порошка наперстянки. От снадобья на языке все еще чувствовалась горечь, а голову медленно сдавливало обручем.

Сколько же ему все-таки осталось? Может, он и ханом-то пробудет всего несколько дней, а там сердце не выдержит, лопнет. Если при эдакой своей участи еще и умертвить Чагатая, держава вспыхнет внутренней войной и разлетится вдребезги. Тулую ее не удержать: силенки не те. Ни ему, ни Гуюку не удастся сплотить вокруг себя верных нойонов и военачальников, которые уберегут их в этом бушующем пламени. Здесь сила восторжествует исключительно через кровь.

Вот этот человек, что сейчас в напряженной позе стоит перед тронем, и есть, вероятно, надежда на будущее империи. Более того, именно Чагатая отец назначил бы на ханство, если

бы их старший брат Джучи не родился на свет. Мокрая голова нестерпимо чесалась, и Угэдэй машинально поскреб ее ногтями. На него все еще вопросительно поглядывали кешиктены, но сбить Чагатая на колени хозяин им не позволил. Решил воздержаться – во всяком случае, сегодня, хотя часть его томилась этим соблазном.

– Ты здесь в безопасности, брат, – проникновенно произнес Угэдэй. – Я дал слово.

– А слово тверже железа, – подхватил сказанное Чагатай.

Обоим вспомнились изречения отца, которые они искренне чтили. Что ни говори, а тень великого хана окутывала их словно плащом. Общие воспоминания заставили Чагатая поднять голову и нахмуриться; его вдруг пронзили невыразимая тоска и растерянность. Столько сил потрачено, и все ради чего? Откровенно говоря, он ожидал, что его убьют, но вид у Угэдэя был сейчас скорее встревоженный, чем победный или хотя бы мстительный. Чагатай с интересом наблюдал, как Угэдэй обратился к начальнику стражи:

– Всем уйти. Речи мои предназначены единственно для моего брата. – Тот хотел было исполнить приказание, но Угэдэй взмахом руки остановил его: – Стой. Вначале приведи мне сюда Субэдэй-багатура.

– Слушаю и повинуюсь, повелитель, – возгласил страж, кланяясь поясным махом.

Кешиктены у стен, дружно повернувшись, один за другим зашагали к медным дверям. На смену им явился вызванный начальником стражи Субэдэй. Слышно было, как снаружи все еще препирается с гвардейцами Хасар, но тут створки дверей сомкнулись и в гулком пространстве зала остались лишь двое сыновей и любимый военачальник Чингисхана.

Встав с трона, Угэдэй спустился со ступенек, оказавшись, таким образом, вровень с Чагатаем. На угловом столике стоял кувшинчик, из которого он налил себе чарку архи. Проглотил и поморщился – напиток ожег язву пищевода.

Под лютым взглядом багатура Чагатай моргнул и отвел глаза.

Угэдэй с протяжным вздохом заговорил. Голос его сотрясался от накала того, что он уже так долго в себе удерживал:

– Чагатай. Я наследник нашего отца – не ты, не Тулуй с Хачиуном или сын Джучи и ни один из военачальников. Сегодня на заходе солнца я присягну народу моей державы.

Он сделал паузу, на протяжении которой Чагатай с Субэдэем молчали. Из высокого окна открывался вид на город, дышащий тихой прелестью, несмотря на полную ужаса истекшую ночь.

– Там, за окном, – тихо продолжил Угэдэй, – простирается мир, нами пока не изведанный. С народами и их верами, ремеслами и армиями, которые о нас покуда и не слышали. Ну и, понятно, с городами побольше и пославней, чем Енкин и наш Каракорум. Нам же, чтобы выжить и расти, нужна стойкая сила. Мы должны покорять новые земли, чтобы войско наше было всегда сыто и безостановочно двигалось. Остановиться равносильно гибели, Чагатай.

– Понимаю, – кивнул тот. – Не болван.

– Я знаю, что ты не болван, – устало улыбнулся Угэдэй. – Иначе я велел бы убить тебя прямо там, на внутреннем дворе, вместе с твоими прихлебателями.

– Так почему я все еще жив? – спросил Чагатай. Спросил вроде бы невозмутимо, но на самом деле этот вопрос жег его с того самого момента, как он во внутреннем дворе завидел Субэдэя.

– А вот почему, – дал наконец ответ Угэдэй. – Потому что я, может статься, до расцвета нашей державы не доживу. Да-да, Чагатай. Ибо сердце мое слабо, и я могу умереть в любую минуту.

Оба, и Чагатай, и багатур, изумленно в него вперились. Но ждать их расспросов у Угэдэя не доставало терпения, слова из него так и летели:

– Я жив лишь силой горьких цзиньских снадобий, но пребываю в полном неведении, сколько мне еще осталось на этом свете. Мне хотелось лишь увидеть достроенным мой город и стать ханом. И вот я, все еще живой, лицезрю плоды своих трудов, хотя и живу в мучениях.

– Но почему я слышу об этом впервые? – медленно произнес Чагатай, пораженный тем, что из всего этого следует. – Почему не раньше?

Впрочем, ответ он уже знал и на дальнейшие слова брата лишь с пониманием кивал.

– А ты дал бы мне еще два года на то, чтобы достроить город, довершить мою гробницу? Нет, ты бы напустился на меня, едва об этом прознав. А так я достроил Каракорум и теперь еще побуду ханом. Думаю, брат, отец оценил бы и *мои* смелые шаги.

Чагатай молча покачивал головой. Все, о чем ему пока приходилось лишь гадать, начинало обретать складность и искомую ясность.

– Тогда почему... – начал он.

– Ты же сказал, что не болван, Чагатай. Подумай как следует, как это уже тысячу раз проделал я. Я наследник моего отца, но сердце мое слабо и в любое мгновение может не выдержать. Кто тогда поведет народ?

– Я, – одними губами вымолвил Чагатай.

И это была правда, причем правда жестокая, так как сыну Угэдэя в таком случае ханской власти уже не видать. Тем не менее братья не отвели друг от друга глаз. А Чагатай уже по-иному, с соперничеством оценил то, *что* за годы, минувшие со смерти отца, совершил Угэдэй.

– И как давно ты страдаешь от своего недуга? – спросил он.

– Давно, – махнул рукой Угэдэй. – Так давно, что уже свыкся. Только вот боли за последние годы усилились. Такие стали, что иной раз и терпеть невмоготу. Если бы не цзиньские порошки, то и не знаю, был бы жив или нет.

– Постой, – нахмурился Чагатай. – Так ты говоришь, мне ничего не грозит? Ты вот так меня с этими сведениями и отпустишь? Но... как? Не понимаю.

За Угэдэя ответил Субэдэй – все с таким же лютым взором, с каким встретил Чагатай у входа во дворец.

– Если бы тебя зарубили, Чагатай, чего ты, безусловно, заслуживаешь за свое вчерашнее вероломство, то кто сохранит в целостности империю, если та вдруг останется без хана? – в тихой ярости проговорил он. – Получается, ты за свое отступничество еще и остаешься при награде.

– Вот зачем я и тебя, Субэдэй, позвал на этот разговор, – сказал Угэдэй. – Ты должен оставить свой гнев. Ханом после меня станет мой брат, а ты при нем будешь первым военачальником. Он ведь тоже сын Чингисхана, которому ты давал клятву верности, а значит, обязан служить и ему.

Чагатай с минуту напряженно думал.

– То есть от меня ты ожидаешь мира и благодушия, пока не истек твой земной срок. А откуда мне знать, что это не уловка и не хитрость, замысленная тем же Субэдэем?

– Откуда? – желчно переспросил Угэдэй, терпение которого уже явно иссякало. – Да хотя бы оттуда, что я *уже* не лишил тебя жизни. А ведь мог бы, Чагатай, и все еще могу. Особенно после твоей выходки. Но тем не менее я дарю тебе жизнь, да еще что-то сулю в придачу. Ты учти, братец, что разговариваю я с тобой как победитель, а не как побежденный. Вот в этом ключе и расценивай мои слова.

Чагатаю оставалось только согласиться. Действительно, надо все как следует осмыслить, хотя времени на это у него отнюдь не воз.

– Но ведь я связан обещаниями с теми, кто меня поддерживал, – нашел он отговорку. – Не могу же я просто ждать да коз пасти. Это же, можно сказать, смерть при жизни, недостойная воина. – Глаза его рыскали в такт мятущимся мыслям. – Если только ты не объявишь

меня своим наследником прилюдно, – заявил он. – Тогда мне от моих нойонов будет уважение.

– А вот этого я делать не стану, – тотчас ответил Угэдэй. – Если я умру через месяц-другой, ты станешь ханом вне зависимости от того, объявил я тебя наследником или нет. Но если я на этом свете подзадержусь, то не дать возможность своему сыну я не смогу. Тогда уж вы с ним сами потягаетесь за власть, кто кого.

– Получается, ты мне ничего и не предлагаешь! – вспыхнул Чагатай, возвысив голос чуть ли не до крика. – Что это за сделка такая, основанная на пустых обещаниях? Зачем о ней вообще упоминать? Если ты скоро умрешь, то быть мне ханом. Ну а если я всю жизнь прожду гонца, который так и не явится? Да кто ж на такое пойдет?

– Ты, после твоего давешнего вероломства. Спусти я тебе обиду и позволь уйти к твоему тумену, ты углядел бы в моем поступке лишь слабость. И спрашивается, как долго мне тогда пришлось бы ждать очередного поползновения от тебя или от кого-то еще? Думаю, что очень недолго. Я же, Чагатай, отпускаю тебя не с пустыми руками. Вовсе нет. Моя задача – расширить покоренные нами земли, на которых империя станет расти и процветать. Во владение брату Тулюю я предложу наши родные края, за собой оставлю только Каракорум. – Видя, как в глазах брата мечтательно переливаются огоньки предвкушения и жадности, Угэдэй сделал глубокий вдох. – Ты заберешь Хорезм, сделав его центром своих владений, к тебе же отойдут города Самарканд, Бухара и Кабул. Иными словами, ты получаешь ханство протяженностью свыше пяти тысяч гадзаров, от вод Амударьи до гор Алтая. Ты и твои потомки будут править там, хотя мне и моим с вас будет причитаться дань.

– Мой повелитель... – подал встревоженный голос Субэдэй.

– Тихо, багатур! – нетерпеливым движением руки осадил его Чагатай. – Пускай договорит. Это дела семейные, для твоих ушей они вообще не предназначены.

Угэдэй покачал головой:

– Эти мысли, Субэдэй, я вынашивал без малого два года. Как видишь, мое стремление – смирить гнев, снедающий меня после нападения на мою семью, и верно определиться с выбором уже сейчас, несмотря ни на что.

Угэдэй смерил брата тяжелым взглядом:

– Сын мой и дочери выжили, ты знаешь об этом? Если бы твои воины их умертвили, я бы сейчас лично смотрел, как с тебя не спеша сдирают кожу, и наслаждался твоими воплями. Некоторые вещи я вынужден терпеть, даже если они не идут на пользу империи моего отца.

Он сделал паузу. Чагатай подавленно промолчал. Угэдэй кивнул, довольный тем, что понято.

– А вообще, брат, ты производишь впечатление силы, – сказал он. – У тебя есть преданные нойоны, а у меня – обширнейшая империя. Следить за ней и ею управлять надлежит способным людям. С сегодняшнего дня я становлюсь гурханом – то есть ханом, возглавляющим союз равноправных племен. С тебя я возьму клятву верности, а тебе и твоим потомкам дам свою. Империя Цзинь научила нас править многими землями, причем так, чтобы обратно в столицу ручьями стекалась дань.

– А ты не забыл, что случилось с той самой столицей? – ехидно спросил Чагатай.

Глаза Угэдэя опасно блеснули.

– Не забыл. Так что не думай, что когда-нибудь ты приведешь к Каракоруму свое войско. Кровь отца течет в моих жилах точно так же, как и в твоих. И если ты когда-нибудь явишься ко мне с мечом, это будет деяние против хана, на защиту которого встанет вся держава. И тогда я уничтожу тебя вместе со всеми твоими женами и детьми, прислугой и приспешниками. Не забывай, Чагатай, что в эту ночь я выстоял. Со мной удача моего отца. Его дух смотрит за мной. И тем не менее я предлагаю тебе империю более великую, чем все, что за пределами земель Цзинь.

– Где я и сгнию, – горько подытожил Чагатай. – Ведь ты запрешь меня там в роскошном дворце, в окружении женщин и золота... – он попытался подыскать еще какое-нибудь слово, в равной степени удручающее, – тронов и яств.

Ужас брата от созерцания такой будущности вызвал у Угэдэя улыбку.

– Все нет, – сказал он. – Ты будешь возвращать там армию, которую я смогу послать куда мне надо. Армию Запада, точно так же, как Тулуй будет создавать армию Центра, а я – армию Востока. Для всего лишь одной армии отдельной державы мир стал чересчур велик, брат мой. Ты отправишься в поход туда, куда укажу тебе я, и будешь покорять земли там, где мне это будет нужно. Мир ляжет к твоим ногам, если ты найдешь в себе силы отвергнуть ту низменную часть себя, которая нашептывает тебе всем владеть и править единолично. Этого я не допущу. Ну а теперь дай мне свой ответ и свою клятву. Я знаю, брат, что твое слово крепче железа, и приму его на веру. Или же я могу просто предать тебя смерти, причем не мешкая.

Чагатай, в котором, сменив унылую обреченность, вдруг взмыли новые надежды (а с ними и сомнения), размахисто кивнул.

– Ну, так какую же клятву ты от меня хочешь? – спросил он с молодым нетерпеливым задором, и Угэдэй понял, что одержал верх.

Вместо ответа он протянул волкоглавый меч Чингисхана:

– Поклянись, возложив руку на этот меч. Клянись духом нашего с тобой отца и своей честью, что никогда в гневе не пойдешь на меня с оружием. Что признаешь меня как своего гурхана и будешь моим верноподданным в качестве хана своих собственных земель и народов, моим оком и карающей дланью. Что бы ни случилось в будущем, на то воля Великого неба, но здесь, на земле, я удовольствуюсь твоей клятвой. Присягать сегодня, Чагатай, мне будут многие. Так стань же первым.

* * *

Повсюду уже пронеслась весть о том, что Чагатай сделал ставку на взятие своими силами Каракорума, но проиграл. Это окончательно подтвердилось, когда Угэдэй утром, демонстрируя силу, проскакал со своими кешиктенами по городу. Хотя надо сказать, что гордо выглядел и Чагатай, когда возвратился к своему расположенному за городом тумену. Оттуда он послал нукеров убрать трупы и отвезти их за Каракорум, подальше от глаз. Достаточно скоро напоминанием о ночных событиях остались лишь ржавые отметины на улицах, а мертвые оттуда благополучно исчезли, точно так же, как планы и военные хитрости полководцев. Воины всех туменов, недоуменно пожав плечами, продолжили подготовку к празднествам и небывалым состязаниям, начало которых было назначено на этот день.

Для Хачиуна с Хасаром пока оказалось достаточно и того, что Угэдэй уцелел. Так что игры еще впереди, есть время поразмыслить над будущим, когда он сделается ханом. Тумены, еще накануне стоящие в готовности друг против друга, отрядили команды лучников на стрельбище под Каракорумом. Битвы и распри нойонов были для них чем-то не от мира сего. Главное, что остались целы и невредимы их собственные начальники, а самое главное – что не отменены игры.

Десятки тысяч собрались смотреть первые сегодняшние состязания. Пропустить такое не хотел никто, особенно учитывая тот факт, что самое интересное – концовку – сумеют увидеть всего тридцать тысяч на круге в центре города. Темугэ уже позаботился насчет задачи специально помеченных клочков бумаги, дающих право доступа на главный розыгрыш. Заранее были подготовлены награды – жеребцы, серебро и золото. В то время как Угэдэй боролся за свою жизнь, старики, женщины и дети сидели, притихнув, в темноте и не сходили

с мест, откуда можно будет наблюдать за захватывающим дух мастерством соплеменников. По сравнению с жадой зрелища даже борьба за власть выглядела чем-то второстепенным.

Над восточными воротами Каракорума возвышалась стена стрельбища, яркая под восходящим солнцем. Ее воздвигли в предыдущие дни – массивное сооружение из дерева и железа, способное уместить свыше сотни мелких щитков, каждый не больше человеческой головы. А в некотором отдалении от стана усердно дымили не меньше тысячи железных жаровен, готовя для зрителей угощение. Стоял аппетитный запах жареной баранины и дикого лука. На аппетите не сказывалось даже ожидание внутренней войны, что царило здесь нынче ночью. Но опасения, хвала Великому небу, не сбылись.

Погромы хивали смехом борцы, разминаясь с друзьями на сухой траве. День выдался погожий, и спины людей, собравшихся чествовать нового хана, приятно припекало солнышко.

Глава 7

Вместе с еще девятью лучниками тумена – безусловно, лучшими – Хасар стоял, ожидая своей очереди. Обрести необходимый покой было непросто, и он делал длинные, мерные вдохи, взвешивая в руке каждую из четырех выданных ему стрел. Казалось бы, все они одинаковы, изделия лучшего стрелодела, специально выбранного среди племен. Но все равно первые три предложенные стрелы Хасар отверг. Понятное дело: нервы и недосып усложняли и без того непростой день, постоянно давая о себе знать. Вот и в пот бросает, а тело ноет и болит. Единственное, пусть и малое утешение – это то, что остальным лучникам нынче тоже не до сна. Хотя молодым, похоже, все нипочем: стоят вон, радостно скалятся, да еще, небось, злорадствуют, видя землистую бледность на лицах тех, кто постарше. Для молодежи это день больших возможностей. Те, кому повезет, могут рассчитывать на признание, а также на награды Темугэ – кружки из золота, серебра и бронзы, на каждом из которых символ Угэдэя. Машинально отвлекшись, Хасар прикинул, как поступил бы Чагатай, выгори у него задумка с переворотом. Увесистые кружки, похожие на монеты далекой Европы, несомненно, были бы втихую изъяты и «утеряны». Хасар встряхнул головой. Не такой он, Чагатай, чтобы выбрасывать полезные вещи, так что благородным металлам наверняка нашел бы применение. Таких «важных мелочей» чингизид не чурается. По крайней мере, в этом он весь в отца.

Празднество продлится три дня, хотя ханом Угэдэй станет уже на закате первого. Темугэ – Хасар видел – совсем замотался, стараясь обставить состязания так, чтобы все, кто способен в них участвовать, смогли попытать свои силы и удачу. Он еще жаловался Хасару на сложности – что-то насчет лучников, участвующих также в скачках, и бегунов, участвующих в борьбе. Хасар выслушивать все эти нудные подробности не стал и попросту отмахнулся. Понятное дело: кому-то надо отвечать и за игрища, хотя с занятиями воина это как-то не вяжется. Ну а его книгочею-братцу, который и лук толком держать не умеет, оно как раз к лицу.

– Тумен Медвежья Шкура, на рубеж, – скомандовал судья.

Хасар встряхнулся и переключился мыслями на соревнование. Разумеется, одним из самых искусных лучников являлся Джэбэ. Его имя означало «стрела», и было дано ему, когда он выстрелом сшиб с копыт лошадь самого Чингисхана. Поговаривали, что его люди выйдут в заключительный этап первенства. Джэбэ, кстати, после треволнений ночи особо и не страдал – во всяком случае, внешне, хотя еще и успел сразиться за спасение Угэдэя. Хасара кольнула зависть, напомнив о временах, когда он сам мог скакать всю ночь напролет, а завтра еще и сражаться без сна, отдыха и пищи, не считая нескольких глотков тарасуна, крови и молока. А впрочем, стоит отметить, что те свои славные деньки он прожил не впустую. Вместе с Тэмуджином они покоряли народы, поставили на колени цзиньского императора. То был самый возвышенный момент в его, Хасара, жизни, что, однако, не мешало ему сейчас желать для себя хотя бы еще нескольких лет беспечного молодого здоровья – безболезненного похрустывания в бедре, плохо гнущегося колена или мелких жестких комочков под правым плечом, где годы назад застрял кончик вражьего копья. Сейчас Хасар рассеянно потирал это место, в то время как десятка Джэбэ выстроилась вдоль черты в сотне шагов от стены стрельбища. На таком расстоянии мишени казались крохотными – попадет разве что опытный мэргэн¹⁶.

Джэбэ чему-то рассмеялся и хлопнул одного из своих людей по спине. На глазах у Хасара военачальник нагнулся и несколько раз натянул и отпустил тетиву, разминая плечи.

¹⁶ Мэргэн – меткий стрелок.

Вокруг тысячи воинов, женщин и детей, собравшихся на стрельбы, притихли в ожидании, когда стихнет ветерок.

Вот ветер утих, от чего солнце стало припекать гораздо ощутимей. Стена стрельбища размещалась так, что стрелки отбрасывали длинные тени, но свет солнца в глаза им не попадал и цель не застил. Темугэ учел все мелочи.

– Готов, – не поворачивая головы, сообщил Джэбэ.

Его люди стояли с обоих боков – одна стрела на тетиве, еще три на земле спереди. За манеру стрельбы оценки не давались, только за меткость, но Хасар знал: Джэбэ будет стрелять как можно глаже и шелковистей, чтобы не уронить своей гордыни.

– Начали! – скомандовал судья.

Хасар внимательно следил за тем, как стрелки дружно выдохнули, одновременно натягивая луки и пуская стрелы как раз перед следующим вдохом. Десять метнувшихся черточек взвились грациозной дугой и через какое-то время с навеса тукнули в стену. Туда сразу же побежали дополнительные судьи, поднятыми флагами сигнализируя о попаданиях.

– Ухай! – доносились их голоса в безмолвном воздухе. Это слово обозначало попадание «в яблочко».

Начало получилось удачным: взметнулись все десять флагов. Джэбэ поощрительно улыбнулся своим стрелкам, и, как только судьи отошли, десятка выпустила еще по стреле. Для того чтобы пройти в следующий круг соревнований, теперь им достаточно поразить сорока стрелами всего тридцать три щитка. Задачу лучники выполнили с демонстративной легкостью, последним выстрелом выбив ровно тридцать (не попали всего две стрелы) и набрав таким образом тридцать восемь. Толпа разразилась возгласами ликования, а Хасар ревниво покосился на Джэбэ, проходящего назад через других соревнующихся. Солнце уже накалилось и жгло, а они, гляди-ка, живы и беспечно веселы.

Непонятно, зачем Угэдэй оставил Чагатая в живых. Одно дело, если бы это был не его выбор, как раньше при Чингисхане, когда чингизид считался лишь одним из приближенных хана. Но теперь-то он сам без пяти минут хан... Странно. Хасар мысленно пожал плечами. Должно быть, об этом знают Субэдэй или Хачиун. Им-то все всегда известно... Ладно, кто-нибудь да скажет.

Чагатая Хасар увидел непосредственно перед тем, как шагнуть к своим лучникам. Статный, молодой, тот стоял, прислонясь к балке коновязи, и наблюдал, как борцы, готовясь к состязанию, упражняются с кем-то из его кешиктенов. Ни на лице, ни в позе Чагатая не читалось никакой напряженности, и тогда Хасар сам наконец начал понемногу оттаивать. Похоже, Угэдэй изловчился каким-то образом заключить с братом мир, по крайней мере на время. Придя к этому выводу, Хасар и сам раскрепостился – старая верная привычка, нажитая опытом. Так или иначе, день обещал быть славным.

Возле невысоких белых стен Каракорума ждали сигнала к заезду сорок всадников. Их лошади были ухожены, со смазанными маслом копытами – неременный атрибут ухода в дни подготовки к празднествам. У каждого из наездников свой секрет кормления лошади, одобренный родней и многократно выверенный на предмет усиления скорости и выносливости, необходимых животному.

Бату то и дело запускал пальцы в гриву своей лошади, прочесывая жесткие пряди, – привычка, неизменно дававшая о себе знать в минуты волнения. Заезд наверняка будет смотреть сам Угэдэй, в этом юноша почти уверен. До этого дядя бдительно следил за тем, чтобы племянник досконально проходил все этапы выучки в туменах. Своим нукерам он наказал не давать новобранцу никаких поблажек: гонять до семи потов, за отлынивание и провинности спускать, если надо, семь шкур; ну а между воинскими упражнениями пускай назубок затвердит расклад и тактику каждой битвы в истории ханства, с приемами и своих, и врагов. Два с лишним года тело юноши немилосердно ныло, ладони заскорузли от мозолей.

Зато теперь выправка и выучка видны по его спине и плечам, раздавшимся от наработанных мускулов (правда, темных кругов под глазами тоже не скрыть). Так что, надо сказать, все это было не напрасно. Вскоре после очередного выполненного задания Бату по приказу Угэдэя продвигался все дальше и выше.

Сегодняшние скачки были своего рода передышкой от изматывающей муштры. Волосы Бату собрал на затылке в тугой пучок, чтобы во время заезда не мешали и не хлестали по лицу. Шанс у него сегодня определенно есть. Все-таки он постарше других юношей, уже считай мужчина, при этом худощав и поджар, как отец. Лишний вес, известная истина, на больших расстояниях превращается в бремя, а недовес – в подспорье. Лошадь же у него и в самом деле отличная. Свою скорость и выносливость она показала, будучи еще жеребенком; сейчас же эта бьющая копытом долгогривая двухлетка так и играла под своим седоком, так и взбрыкивала от избытка сил.

Бату поглядел туда, где на своей приземистой каурой кобылке гарцевал его товарищ по команде. Встретившись на мгновение глазами, оба не сговариваясь кивнули. Мелькнувшее бельмо Цана, казалось, тоже выражает волнение. С Цаном они дружили еще с тех пор, когда мать Бату лишь начинала пить чашу своего страдания, а он, малолетка, как клеймо, носил на себе позор имени отца. В плевках и неприязни рос и Цан: его дразнили и лупили «нормальные» мальчишки – золотистость кожи и тонкие цзиньские черты Цана вызывали у них насмешку. Бату почитал его чуть ли не за брата – худющего и злющего, с запасом желчи, которого вполне хватало на двоих.

Некоторые тумены выставили целые команды всадников. Оставалось надеяться, что Цан не подкачает. Если Бату и научился чему-то на участии своего отца, так это необходимости побеждать, неважно каким образом. Пусть даже кто-то при этом получит увечье или погибнет. Если ты победил, тебе простится все. Тебя могут взять из смрадной юрты и неожиданно возвысить; а в один прекрасный день вдруг окажется, что ты во главе тысячи и вся эта тысяча выполняет твои команды так, будто они исходят от самого хана. Кровь и одаренность. На этом зиждется вся держава.

В тот момент, когда судья уже подступил к черте, какой-то всадник будто бы случайно оттер Бату своей лошадей. Тот тут же подался вперед и с силой отпихнул задаваку. Разумеется, это был Сетган, из урянхайцев. Родное племя Субэдэя, извечное бельмо на глазу – во всяком случае, с той поры, как славный багатур возвратился к Чингисхану с мешком, в котором лежала голова Джучи. На молчаливую неприязнь урянхайцев Бату наткнулся уже сотни раз после того, как Угэдэй взял его под свою опеку. Это нельзя было назвать открытым противостоянием или нарочитой верностью своей крови. Выковыывая свой новый единый народ, прежние родовые связи Чингисхан объявил вне закона, хотя эта высокомерная обобщенность вызывала только улыбку. Можно подумать, в родовых общественных устоях монголов что-то почиталось больше, чем родство по крови. Как видно, именно это не учел Джучи, когда восстал, тем самым лишил Бату права первородства.

Было по-своему забавно, что урянхайцы привычно вешают грехи отца на сына. Джучи не мог знать, что его мимолетная связь с девственницей станет причиной появления на свет мальчика. Будучи незамужней, никаких претензий к Джучи мать Бату выставить не могла. Вся родня ее оплевала, высмеяла и выставила вон, вынудив жить на окраине становища. Надо сказать, падение Джучи и возведенную на него хулу женщина встретила со злорадством, которое поначалу не развеяли даже его поимка и смерть. Но затем она узнала, что всех внебрачных детей великий хан объявил незаконными. Бату все еще помнил тот вечер, когда мать, осознав всю величину своей потери, напилась до одури, а затем спьяну полоснула по запястьям костяной иглой. Он сам тогда омыл и перевязал ей раны.

Никто на свете не испытывал к памяти Джучи такой ненависти, как его собственный сын. В сравнении с ее буйным белым пламенем урянхайцы были так, всего-навсего мошками, которых оно сжирает.

Краем глаза Бату следил, как судья медленно разворачивает длинный стяг желтого шелка. Люди его отца всех своих жен и детей пооставляли в лагере Чингисхана – мол, делайте с ними что хотите. Цан был как раз одним из тех брошенных ребятишек. Кое-кто из людей возвратился потом с Субэдзем, а вот отец Цана сгинул где-то вдалеке, на чужбине. Это была еще одна из причин, отчего Бату не мог щадить даже свою память об отце. Сейчас он кивнул собственным мыслям. Хорошо, что в группе всадников у него есть враги. Он питается их неприязнью; приумножая, всасывает силу из их насмешек и колкостей, ударов исподтишка и подвохов. Ему снова вспомнился кусок дерьма, который он на рассвете обнаружил в своей сумке со съестным. Это было все равно что заполучить прямо в кровь что-то темно-жгучее, как архи. Вот почему он выигрывает на этих скачках. В его жилах кипит ненависть, дающая силу, которая им и не снится.

Судья поднял стяг. Чувствовалось, как упруго дернулся круп лошади, готовой прыгнуть вперед. Стяг метнулся книзу золотым зигзагом на утреннем солнце. Бату дал шпоры и в мгновение ока кинул лошадь в галоп. Впереди общей кавалькады он не рванул, хотя был почти уверен, что мог бы на протяжении всего заезда заставлять всех глядеть себе в спину. Вместо этого юноша взял стойкий темп посередине группы. Шесть раз вокруг Каракорума – это сто тридцать пять гадзаров: испытание не столько на скорость, сколько на выносливость. Лошади выращивались именно под это, и дистанцию одолеть вполне могли. Вся соль и суть, все хитрости и внезапные извивы действий крылись именно в действиях мужчин и юношей, что сейчас сидели в седлах. Бату чувствовал, как его буквально распирает от радостной уверенности. Он тысячник, ему семнадцать лет, и скакать он может весь день.

* * *

Тысяча двадцать четыре представителя от народа подняли правую руку в знак приветствия, на что толпа откликнулась громовым ревом. Предстоял первый, самый массовый, круг борцовских состязаний. В первый день должны были отсеяться слабаки, старики, подранки и просто те, кому не повезло. Права на повторный выход никому не давалось, а при десяти кругах, которые предстояло выстоять, остальные два дня частично зависели от тех борцов, что прошли через первый с наименьшим количеством ушибов, растяжений, вывихов и переломов.

У зрителей из числа воинов были свои любимцы. Все эти дни по разминочным площадкам бродили деляги, присматриваясь и прицениваясь к силе и ловкости участников, выявляя слабости и недостатки, – словом, определяя тех, на кого можно поставить, и тех, кто не вынесет жесткого отбора.

Из военачальников на эту часть празднества никто не явился. Не полководческое это дело – ронять свое достоинство, позволяя себя заламывать и швырять молодой поросли. Но при этом первый круг борцовских состязаний оказался задержан, чтобы Хасар и Джэбэ смогли поучаствовать в соревновании лучников. Хасар был большой любитель борьбы и лично вложился в человека, встретиться с которым в первом круге не желал ни один из воинов. Баабгай – Медведь – был родом из империи Цзинь, хотя кряжистым сложением напоминал скорее монгольского борца. Сейчас он склался редкозубой улыбкой, повернувшись к толпе, а та многогласно скандировала его имя. На Баабгай были поставлены целые табуны отборных лошадей, однако десять кругов борьбы или случайное повреждение вполне могли его сломать. Ведь, как известно, даже камень трескается под достаточным количеством ударов.

Хасар и Джэбэ, отстрелявшись в первом круге, вместе со своими мэргэнами трусцой заспешили туда, где на залитом солнцем поле терпеливо дожидались начала поединков борцы. В воздухе стоял металлический привкус, пахло маслом и потом. Стычки и кровопролитие вчерашней ночи были намеренно позабыты.

Стрелки опустились на подстилки из белого войлока, уложив свои драгоценные луки рядом, уже со снятой тетивой и бережно завернутые в шерсть и кожу.

– Хо-хо-о, Баабгай! – радушным ревом приветствовал Хасар своего любимца, которого в свое время сам нашел и, можно сказать, вскормил.

Баабгай обладал бездумной силой быка, а боли как будто не чувствовал вовсе. Во всех предыдущих поединках он ни разу не выказывал и намека на уязвимость, и именно это его тупое и упрямое свойство устрашало соперников более всего. Они просто терялись в догадках, как совладать с этим глуповатым бухэ¹⁷. Хасар знал, что некоторые из борцов насмешливо кличут его Колодой, намекая на недостаток ума, однако сам Баабгай на это прозвище ничуть не обижался, а просто ухватывал такого остролова и с неизменной улыбкой клал наземь.

Хасар терпеливо переживал песнопение, знаменующее начало. Грубые голоса борцов, призывая в свидетели землю и небо, обещали, что будут стоять твердо, бороться честно, а затем останутся друзьями вне зависимости от того, кто из них выиграл, а кто проиграл. Впереди еще другие круги и другие песни. Хасару они были предпочтительней, поэтому эти он, глядя через равнины, толком и не слушал.

Угэдэй сейчас в Каракоруме, наверняка уже прихорошившийся, оснащенный благовоениями и разнаряженный. Народ уже пустился в загул. Если бы не участие в состязании лучших, Хасар, несомненно, находился бы там, среди гуляющих.

Он смотрел, как Баабгай делает первый захват. Бухэ не сказать чтобы очень уж расторопен, но едва лишь соперник оказывался в пределах досягаемости, а руки нащупывали место, за которое удавалось ухватиться, дело было считай что сделано. Пальцы у Баабгая короткие и мясистые, руки как будто распухшие, но, зная силу бухэ, можно смело делать на него ставку.

Первый поединок Баабгая завершился, как только бухэ, вывернув сопернику плечо, схватил его за запястье, а затем обрушил ему на руку весь свой вес. Толпа взревела, победно забили барабаны и бухнул медный гонг. Баабгай расплылся в бесхитростной улыбке здорового дитяти. Довольный такой чистой и быстрой победой, Хасар, не сдержавшись, одобритительно крикнул. День складывался как надо.

* * *

Бату не вскрикнул, когда щеку ему ожег хлыст. Чувствовалось, как рубец взбухает, а кожа горит, словно она, как и сам юноша, пышет жаром злости. Заезд начался достаточно удачно, и ко второму витку вокруг города Бату уже удалось пробиться в первую шестерку. Земля оказалась жестче и суше, чем он ожидал, что дало некоторым лошадям преимущество по сравнению с остальными. Когда пошел третий виток, пыль обильно припорошила всадников белесой пудрой. Слюна в пересошем рту загустела так, что сложно было сплюнуть. Солнце изливало безжалостный, вызывающий жажду зной. Те, кто послабее, перхая, уже дышали всем ртом навзрыд.

Когда кожаная промасленная змейка хлыста мелькнула снова, Бату успел пригнуться. Вон он, его обидчик, справа – один из урянхайцев, скачет во весь опор на ретивом жеребце. Совсем еще молодой, маленький и легкий. Сквозь прищуренные, покрытые пылью веки Бату

¹⁷ Бухэ – бугай.

видел, что животное под ним мощное, а наездник со злобным наслаждением уже заводит руку для очередного стегающего удара. Даже сквозь дробный грохот копыт слух улавливал, как товарищи смешливо его подначивают. От полыхнувшей ярости у Бату сдавило дыхание. Кто он, а кто они? Он командует людьми, а *эти*? И вообще, какое ему дело до крови урянхайца, кроме разве что опасения об нее измараться? Он мельком глянул на Цана, скачущего в паре шагов позади. Тот с алчным оскалом уже рвался на подмогу, но Бату мотнул ему головой – дескать, сам справлюсь, – не спуская теперь с урянхайца взгляда.

Когда хлыст взлетел снова, Бату попросту вскинул руку, так что змеистый ремешок обмотался вокруг запястья. Урянхаец выпучил глаза, но было уже поздно. Всем корпусом подавшись вперед, Бату резко дернул, одновременно дав лошади шпоры.

Стремена чуть было не спасли обидчика. Еще мгновение одна нога у него держалась, но вот он сорвался и пал в клубы пыли прямо под копыта прущей следом кавалькады, а его жеребец с отрывистым ржанием взвился на дыбы, чуть не выбив при этом из седла еще одного наездника, сердито гикнувшего. Бату не оборачивался. Хорошо бы, если бы гаде-ныша насмерть... Смех и подначивание, кстати, мгновенно прекратились.

В скачку за награду – лошадей-двухлеток – вышли пятеро урянхайских всадников. И хотя они были из разных туменов, но все равно держались скопом. Каким-то образом Бату свел их воедино своим вызовом, своей надменной неприязнью. Вел их Сеттан – рослый и гибкий, с мягкими слезящимися на ветру глазами и нетерпеливо бьющимся за спиной хвостом из волос. Минуя западные ворота Каракорума в четвертый раз, он переглянулся со своими друзьями. Оставалось еще с полсотни гадзаров. Кони храпели, роняя с губ пену, темные шкуры лоснились от пота. Бату с Цаном рванулись вперед, беря на опережение.

Видно было, как урянхайские наездники взволнованно оглядываются. Бату, настигая соперников, лицом выражал каменную невозмутимость. Вот они уже ближе, еще ближе. А позади передней группы длинным хвостом вытянулись остальные тридцать наездников, теперь уже явно отстающих.

Возвращаясь на стрельбище, где его уже нетерпеливо дожидались судьи и многочисленные зрители, Хасар все еще улыбался. Укоризненные взгляды ему нипочем: будучи братом Чингисхана и одним из основателей государства, он плевать хотел на то, раздражает ли его задержка присутствующую здесь знать. Нет ему дела и до того, насколько промедление портит размах устроенного Темугэ зрелища.

Десятка Джэбэ во втором круге уже отстрелялась, и сделала это очень даже неплохо, а потому их начальник расслабился: теперь можно и покрасоваться перед толпой. Хасар попробовал уязвить его взглядом, но у Джэбэ это могло вызвать лишь улыбку. Хасар одернул себя, понимая, что подобный настрой может передаться всей его девятке лучников. Среди мэргэнов слабаков и мазил не бывает. Здесь на стрельбище все достойные люди, и ни один из них не сомневается, что при удачном раскладе его ждет победа. А элемент везения или невезения есть всегда: то ветер в момент выстрела не так дунет, то мышцу вдруг сведет, хотя основное испытание – это, конечно, нервы. Сам Хасар видел это множество раз. Воины, бестрепетно встречавшие лавину визжащих хорезмцев, вдруг начинали ощущать неизъяснимую тревогу, идя на молчащий строй. Волнение буквально снесало их, не давая вздохнуть: грудь словно разбухала, закупоривая горло.

Памятуя о том, что часть секрета кроется в преодолении испуга, Хасар сделал несколько долгих медленных вдохов, совершенно не обращая внимания на толпу и давая своим людям собраться с силами и успокоиться. От этого сорок мишеней на стене как будто чуточку выросли в размере (обман зрения, явление уже знакомое). Хасар оглядел своих стрелков: напряжены, но спокойны.

– Помните, ребята, – напутствовал он, кивая на мишени, – каждая из них – прекрасная девственница, которая только и мечтает, чтобы ей вонзили...

Кто-то из стрелков сдержанно рассмеялся, катая голову по плечам, чтобы снять последнее напряжение, способное смазать выстрел.

Хасар про себя ухмыльнулся. Усталый ли, старый ли, но потягаться с Джэбэ ему еще вполне по силам, он это чувствовал.

– Готов, – сказал он судьям, глядя туда, где на высоком шесте возле стены трепетал стяг.

Ветер окреп до стойкого задувания с северо-востока. Пришлось слегка скорректировать позу. Сто шагов. Выстрелы, которые он делал уже тысячи раз – да что там, сотни тысяч. Еще один длинный, степенный вздох.

– Начали, – сухо бросил судья.

Хасар возложил на тетиву первую стрелу и по дуге послал ее в ряд щитков, которые сам обозначил как свои мишени. Дождавшись, когда судья отметит попадание, он обернулся и, приподняв бровь, посмотрел на Джэбэ. Тот лишь рассмеялся этой заносчивости и отвернулся.

* * *

Подобно бусинам на нитке, растянулась линия потных лошадей, топчущих вокруг стен Каракорума. Общая ее длина составляла почти три гадзара. Впереди по-прежнему скакали трое урянхайцев во главе с Сеттаном, которых уже хвост в хвост настигали двое коренастых молодцов, – и чем ближе к конечной линии заезда, тем сильнее сокращался зазор. Бату с Цаном до них было уже рукой подать. А сзади с безнадежным отставанием тянулись остальные. Судьба первенства решалась внутри этой пятерки: лошади неслись, тяжело всхрапывая, брызжа слезью из ноздрей и пенным потом. Сверху на стенах теснились зрители: в основном воины, а еще тысячи цзиньских мастеровых. Для них этот день тоже стал праздником: как-никак, завершились два года непосильного труда, а под одеждой позвякивают связки монет.

Внимания на зрителей Бату не обращал – он весь был сосредоточен на Сеттане и паре его товарищей. Над сухой землей стояли клубы пыли, и разглядеть, что он сейчас собирается проделать, крайне затруднительно. Между тем в кармане юноша нащупал три плоских камешка-голыша, удобно лежащие в ладони. До этого они с Цаном обсуждали, что лучше в случае чего пустить в ход – ножи или плетку с шипами, – но отказались и от того, и от другого: такие раны слишком уж говорят за себя. У кого-то из судей явно возникнет подозрение. Тогда Цан предложил просто взять и вспороть Сеттану шею: этого долговязого выжигу-урянхайца, превозносящего победы Субэдэя, он терпеть не мог. Но Бату и здесь воспротивился: не хватало еще потерять друга из-за обычной мести. А вот камень... Камень во время скачки всегда может вылететь из-под копыт. Даже если Сеттан увидит, что вытворяют соперники, то пожаловаться не посмеет. Очень уж пахнет ябедничеством, воины могут поднять на смех.

С началом последнего витка Бату вынул камни и сжал в ладони. В отдалении за ездовым кругом яркими пятнами виднелись на траве борцы, за ними возвышалась стена стрельбища. Его народ веселился на равнинах, а он пребывал среди народа, выкладываясь на заезде. Ощущение непередаваемое.

Юноша в который раз ткнул свою лошадь коленями, и та убыстрила галоп, хотя и без того неслась на пределе, надрывно всхрапывая. К передовым наездникам Бату стал еще ближе, а за ним и Цан. Но урянхайцы не дремали: моментально перестроились, загораживая ему подход к лошади Сеттана. Бату улыбнулся самому ближайшему из них и пошевелил губами, как будто что-то крича. Все это время он подводил лошадь все ближе.

Паренек-наездник уставился на него, а Бату, весь напряженно-оскаленный, резким движением указал куда-то вперед. К его отчаянной радости, паренек наконец придвинулся

чуть ближе, услышать, что там на ветру кричит соперник. Бату тут же метнул ему камень в голову. Парнишка вмиг рухнул под копыта, став стремительно катящимся по земле пыльным коконом где-то сзади.

Бату занял его место, ожигом хлыста отогнав в сторону теряющую ход лошадь без седока. Сеттан, оглянувшись, изумленно вытаращился, увидев своего главного соперника в такой близости. Оба покрылись коркой пыли, у обоих волосы торчали седыми колтунами, но даже среди этого было видно, что глаза урянхайца яркие от страха. Бату упивался этим взглядом, питая им свою силу.

Другой урянхаец, заметив неладное, устремил своего жеребца наперерез между ними, умело выставленной ногой чуть не выбив Бату из седла. Какие-то безумные, стуком сердца измеряемые мгновения юноша был вынужден вцепляться своей лошади в гриву, поскольку ноги его выскочили из стремян, а на него самого обрушились неистовые удары плетью – по нему и по лошади, по нему и по лошади. Машинально Бату выкинул перед собой ногу и заехал ею урянхайцу по груди. Это дало ему спасительный момент, чтобы выровняться в седле. Один камень он израсходовал, но второй все еще оставался. Когда урянхаец повернулся к нему лицом, Бату с надсадным воплем швырнул голыш и угодил прямо в нос, от чего соперник в багряном всплеске крови рухнул в слепую пыль. Таким образом Бату с Цаном остались с Сеттаном наедине, в шести гадзарах от заветной черты, означающей победу.

Едва осмыслив, что произошло, Сеттан с удвоенной силой погнал коня, стремясь расширить зазор. Для него это был единственный шанс. Лошади у всех уже на грани издыхания. Первым с криком ярости стал отставать Цан; ему не оставалось ничего иного, кроме как с дикой силой пухнуть камни, один из которых стукнул по крупу лошадь Сеттана, а второй просто исчез в пыли.

Бату тихо выругался. Допустить, чтобы Сеттан оторвался, ни в коем случае нельзя. Он нахлестывал и тиранил каблуками свою лошадь, пока та не поравнялась со скакуном противника, а затем и не вышла на полкорпуса вперед. Бату ощущал в себе неукротимую силу, даром что легкие полны пыли, которую он потом будет мучительно выкашливать несколько дней кряду.

Вон впереди уже последний поворот. Бату чувствовал, что может одержать верх. Но он изначально знал, что просто победы ему мало. Там на стенах наверняка стоит Субэдэй и, видя, как близок к победной черте его соплеменник урянхаец, втихомолку подбадривает Сеттана. Взмахом руки Бату отер себе веки, спекшиеся от колючей пыли. Память об отце он в себе не любил. Она не меняла его ненависти к дедову военачальнику, что перерезал Джучи глотку. Быть может, на стенах сейчас находится и Угэдэй, глядя на молодого сокола, которого отважился вскормить.

В ту секунду, когда они оба метнулись к углу, Бату позволил Сеттану себя поджать. Угол стены здесь был украшен мраморным столбом с резным изображением волка. Все заранее до тонкостей рассчитав, Бату дал противнику оттереть себя в сторону, так что сейчас они, уже на прямой видимости заветной черты, летели бок о бок, ноздря в ноздю. Сеттан горел предвкушением победы и про заклятого соперника позабыл. А зря.

Уже на углу Бату неистово дернул поводья вправо и на всем скаку шархнул Сеттана о мраморный столб. Удар получился невероятной силы. И лошадь, и ездок буквально встали как вкопанные. Носу урянхайца с хрястом раздробило, и он зашелся нечеловеческим воплем.

Сам Бату с мстительной улыбкой поскакал дальше, без оглядки на волчий тоскующий вой, гаснущий позади.

Пересекая под восторженные крики линию, он жалел лишь о том, что его не видит отец, который, наверное, гордился бы им. Рукой юноша тер глаза, мокрые от жгучих слез, и яростно моргал, внушая себе, что это все от пыли и ветра.

Глава 8

Когда солнце начало снижаться к горизонту, Угэдэй, набрав полную грудь воздуха, медленно выдохнул. Было время, когда он думал, что не доживет до той поры, когда будет вот так стоять в своем городе, да еще в такой день. Его волосы, смазанные маслом, тугим жгутом лежали на шее. Препоясанный дэли прост – темно-синий, без вышивки и излишеств. На ногах мягкие пастушьи сапоги, перетянутые ремешками. А на поясе – отцов меч. Чингизид коснулся его волкоглавой рукояти, и по телу разлилось неторопливое спокойствие.

Хотя блаженствовать не приходилось, и это вызывало толику раздражения, даже в такой день. Отец оставил ему неоднозначное, можно сказать, спорное, наследство. Если бы ханом стал Джучи, это установило бы право первородства. Но великим ханом Чингисхан утвердил Угэдэя, третьего из четверых своих сыновей. В тени такого исполина, как отец, ветвь самого Угэдэя могла и заглохнуть. Вряд ли после него, Угэдэя, народ так уж просто допустит на ханство его старшего сына Гуюка. Кровь Чингисхана течет в жилах более двух десятков человек, и все они могут выступить с доводами в свою пользу – Чагатай лишь один из наиболее опасных. В такой чащобе когтей и клыков за сына приходится откровенно опасаться. Тем не менее пока Гуюк цел. Возможно, это знак небесной благосклонности отца, ставшего *тенгри* – небожителем. Угэдэй еще раз вздохнул.

– Я готов, Барас-агур, – не оборачиваясь, сказал он старшему слуге. – Отойди в сторону.

Чингизид величаво ступил в бушующую пучину шума, разверзшуюся сразу после его выхода на дубовый балкон. Появление Угэдэя было встречено громом барабанов, а воины его отборного тумена с победным ревом заколотили в свои щиты. Грозный гул заполнил город. Угэдэй улыбнулся, приветственно кивая толпе, и воссел на высокий стул, с которого открывался вид на просторный овал ристалища. Рядом уже сидела Дорегене; возле супруги хозяйина, оправляя складки ее цзиньского платья, пригнувшись, суетился Барас-агур. Неразличимый для основной зрительской массы, Угэдэй украдкой протянул ладонь, которую ухватила и сжала жена. Вместе они пережили два года интриг, злошептательств, попыток подсыпать яд, покушений и, наконец, открытый мятеж. Все это время болезненное, до срока изношенное тело Угэдэя было натянуто как струна, лицо сменило тысячу масок, глаза служили зорким щитом и пускали разящие молнии, но за весь этот срок он не изменил себе и остался целым, а главное, цельным.

Под нетерпеливое ожидание толпы борцы, что выстояли первые два круга состязаний, стали занимать места по центру участка, находившегося непосредственно внизу и возле балкона. Двести пятьдесят шесть человек, разбитые на пары, готовились к своему последнему сегодня поединку. По рядам скамей спешно делались ставки – где пожатием рук, где простым выкриком. В оплату шло все, от монет любого достоинства до деревяшек с оттиском тамги и цзиньских бумажных денег. Здесь правил азарт. Можно ставить на любой прием и даже на движение состязающихся, и весь народ от мала до велика самозабвенно играл в эту игру. Те, кто послабей или постарей, не так везуч или получил повреждение, уже успели выбыть. Оставались самые сильные и ловкие во всей империи, превыше всего остального ставящей военный опыт и искусство боя. Это была империя *его* отца, *его* видение народа: лошадь и воин, лук и копье, все спаянные воедино.

Угэдэй слегка повернулся на стуле, когда на балкон вышел Гуюк. Сердце отца защемило от гордости и печали, которые неизменно овладевали Угэдэем при виде сына. Гуюк высок и пригож, в мирное время он вполне мог командовать тысячей и даже туменом. Но не было, не было в нем той тонкой прозорливости, которая отличает истинного военачальника, как не было и неброской, но нерушимо крепкой связи с людьми, которые пошли бы за ним в огонь и в воду. Так, средней руки командир. Да и с выбором настоящей, одной жены все еще

не определился, словно бы своя, собственная линия ханской родословной для него ничего не значила. То, что лицом и глазами он напоминал Чингисхана, делало осознание его слабостей еще более болезненным и горьким. Бывали случаи, когда Угэдэй своего сына решительно не понимал или же отказывался понимать.

Грациозно поклонившись родителям, Гуюк занял место на своем стуле – чуть в стороне и размером помельче – и тут же ушел в увлеченное созерцание зрелища. О нынешнем противостоянии во дворце он знал мало. Да, он с двумя друзьями и кое с кем из слуг заперся в своих покоях, но в ту часть дворца никто так и не пришел. Постепенно ожидание перешло в возлияние – напились допьяна. Угэдэй, хоть и почувствовал облегчение, увидев сына невредимым, со скрытой досадой подумал: «Знать, никто даже не счел нужным на него покуиться».

Сзади мимо балкона пронесся Темугэ, почти слившись с роем своих писцов и посыльных. Слышно было, как он на ходу осипшим голосом выкрикивает приказания. Непроизвольно вспомнилась беседа, что была у них с дядей пару недель назад. Несмотря на страхи старого олуха-книгочея, Угэдэй борьбу все-таки выиграл. Надо будет, как закончится празднование, снова предложить Темугэ заведование каракорумской библиотекой.

Летний день над гигантским овалом арены постепенно угасал, остывая в сумрак. Из-за низких городских стен ристалище будет видно и из травянистого моря наружных равнин. Еще недолго, и возгорится тысяча факелов, освещая происходящее здесь всем, кто смотрит сейчас оттуда, из вольных просторов империи. Угэдэй ждал этого момента, возвещающего подданным появление нового хана. Означало это и то, что Каракорум наконец достроен и благодатный дождь смывает старые кровавые пятна. А что, если и вправду прольется? Совпадение вышло бы кстати.

Внизу в отдалении Темугэ дал знак судьям. После короткого посвящения матери-земле они протрубили в рог, и состязание началось. Борцы хлестко сошлись, замелькали в проворных хватательных движениях руки и ноги. Для кого-то поединок закончился, едва начавшись, как у соперника Баабгая. Для других он превратился в испытание на выносливость. Блестящие от пота борцы напряженно приподнимали и роняли друг друга, на коже от захватов проступали красные отметины.

Угэдэй сверху озирает поле пыхтящих топчущихся атлетов. Понятно, что Темугэ продумал зрелище во всех тонкостях. Угэдэй с вялым интересом размышлял: «Неужто у дядьки все празднество пройдет вот так, без сучка и задоринки? Весь народ империи – от ребенка до старика, от первого мужчины до последней женщины – это воины и пастухи. Но не овцы, ни в коем случае не овцы...»

Что ни говори, а смотреть все-таки занятно. Вот, нелепо дрыгая ногами, под хохот и улюлюканье толпы опрокинулась последняя пара. Победителями вышли сто двадцать восемь человек. Сейчас они, раскрасневшиеся и довольные, явились на поклон зрителям. Прежде всего поклонились балкону, где сидел Угэдэй, а он встал на ноги и в знак своего благоволения поднял руку, которая предназначена для меча.

Раздалось хрипкое пение длинноствольных труб, огласившее окрестность. Борцы трусцой ретировались с арены, и раскрылись створки массивных ворот, обнажая уходящую во внешний простор главную улицу. Угэдэй с прищуром взгляделся; туда же на скамьях повернулись и все тридцать тысяч зрителей.

Вдали показалась группа измученных бегунов, полуголых на летней жаре. Сделав вокруг города три круга – около семидесяти гадзаров, – они через западные ворота направлялись к чаше центральной арены. Чтобы разглядеть бегущих, Угэдэй подался вперед. Вместе с ним изогнул шею и Гуюк, с волнением наблюдая, кто придет первым (похоже, поставил изрядную сумму денег).

Бегуны на длинные дистанции из монголов в целом не ахти. Во всяком случае, так объяснял Темугэ: выносливость есть, но сложение не то. Многие из тех, кто осилил дистанцию и не выбыл до срока, на приближении заметно прихрамывали, но свои огрехи старались скрыть из боязни осрамиться перед приветственно шумящей толпой.

Увидев, что впереди бежит Чагатай, Угэдэй одобрительно кивнул. Брат бежал с гладкой плавностью, к тому же он был на голову выше остальных мужчин. Да, Угэдэй его в самом деле страшился, а за заносчивость так прямо и ненавидел, но тем не менее, видя его сейчас упорно пылящим по тропе в сторону ристалища, в душе им гордился: гляньте, родной брат впереди. На приближении Чагатай даже, кажется, пошел в отрыв, но тут от общего сборища отделился мелковатый жилистый воин и пошел, пошел нагонять, да так живо, что еще неизвестно, кто кого. А до черты уже недалеко.

Вот они поравнялись. Сердце Угэдэя встревоженно билось, участился пульс.

– Ну же, *ну же*, брат, – вполголоса заклинал он.

Рядом, сжимая дубовое перильце, хмурилась Дорегене. Надо же, переживать за человека, который нынче чуть не убил ее мужа... Да пусть бы его сердце лопнуло хоть сейчас, прямо на глазах у всей этой толпы! Однако, зараженная волнением супруга, она молчаливо наблюдала. Угэдэй любил состязания, а она больше всего на свете любила Угэдэя.

Последние алды¹⁸ Чагатай одолел единым броском, всего на полтуловища опередив своего соперника. Оба готовы были рухнуть наземь. Чагатай, как рыба, хватал ртом воздух, грудь его вздымалась и опадала. Но в отличие от своего соперника нагибаться и упирать руки в колени он не стал. В Угэдэе шевельнулась ностальгия. Откуда-то из времен детства в памяти всплыли слова отца: *«Если твой противник видит, как ты стоишь, упершись в колени, он сразу сочтет тебя проигравшим»*. Вот с этим жестким голосом они с братом и живут все годы. Уж и самого Чингисхана нет, а наказания остались.

Гуюк из чувства приличия за дядю не радовался, хотя сам малость взмок, а глаза были шальные от веселости. Угэдэй улыбнулся, видя, как сына наконец что-то раззадорило. Кто знает, может, он сейчас сорвал куш.

Угэдэй не садился, все это время выжидая повторного звука труб. И вот они зазвучали, своим утробным гласом призывая тридцать тысяч человек внимать. На секунду Угэдэй смежил веки, медленно переводя дыхание.

Воцарилась тишина.

Голову Угэдэй поднял, когда над ристалищем наконец разнесся могучий голос глашатая:

– Вы здесь, чтобы наречь Угэдэя, сына Тэмуджина – верховного нашего правителя Чингисхана, – ханом державы нашей! Вот он стоит перед вами как наследник, избранный великим ханом! Есть ли кто-то, который оспорит его право повелевать?

Если до этого над ристалищем стояла тишина, то теперь она углубилась до безмолвия смерти: все мужчины и женщины замерли, в напряженном ожидании не осмеливаясь даже дышать. Осторожно отошел назад Гуюк, поднявший было руку, чтобы коснуться плеча отца, но опустивший ее так, что тот не заметил.

Тысячи глаз устремились на потного, переводящего дух Чагатая, стоящего сейчас внизу на пыльной дорожке. Он тоже смотрел снизу вверх на расположившегося у дубовых перилец балкона Угэдэя, и глаза его, как ни странно, светились гордостью.

Достигнув кульминации, молчание увенчалось общим выдохом, подобным дуновению летнего ветерка, и вместе с ним настало облегчение. Народ, позабавленный собственным напряжением и скованностью, начал как будто оттаивать: кое-где ожил говорок, где-то облегченно рассмеялись.

¹⁸ Алд – мера длины, равная 1,6 м.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.